

По благословению
архиепископа Иваново-Вознесенского и Кинешемского
АМВРОСИЯ

Составители сборника:

Игумен Мефодий (Кондратьев), настоятель Свято-Георгиевского храма Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии,
Елена Евгеньевна Рыдалевская, координатор нарко-СПИД программ Ассоциации Христианский Межцерковный Диаконический Совет.

Коллектив авторов благодарит руководство Группы предприятий безопасности «Стаф-Альянс» и Леонида Спивака за помощь в издании этой книги.

На 4-й странице обложки: составители сборника на Рождественских чтениях 2005 года.

©Игумен Мефодий (Кондратьев), Е.Е. Рыдалевская, текст, 2005

Вступление

Не умру, но жив буду
и повею дела Господня.
(Пс. 117, 17)

Наркоманию называют чумой нашего времени. Медицина очень скромно оценивает результаты собственных усилий в реабилитации наркозависимых: 3–5% выходят в ремиссию, т.е. не возвращаются к употреблению наркотиков в течение года после курса лечения. Мучаются сами пациенты, которые не могут оставить наркотик, страдают родители. Медики фиксируют рост числа ВИЧ-инфицированных и страдающих гепатитом В или С, передающимися в нашей стране по большей части при инъекционном введении наркотиков. Как найти эффективный метод помощи пациентам, чтобы они смогли не вернуться к наркотику и всему, что с ним связано, — криминальному образу жизни, опустошенности, депрессии, ощущению собственной ненужности, болезненному чувству вины? Для помощи наркозависимым был создан в Санкт-Петербурге в 1988 году фонд «Возвращение». Опытным путем сложилась система стационарной реабилитации, основанная на христианском мировоззрении. Задачей такой реабилитации является духовно-нравственное возрождение человека. Реабилитационный центр фонда называется «Мельничный Ручей», в просторечии — «Мельница». Поскольку три месяца слишком короткий срок для глубоких изменений, необходимо было передавать тех ребят, которые проявили готовность к дальнейшему воцерковлению, в православную

общину. Несколько монастырей и приходов откликнулись на эту просьбу. Об одном из таких приходов — Свято-Георгиевском Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии — и о том положительном опыте, который получили пациенты, жившие здесь, мы хотим рассказать.

Вид на Свято-Георгиевский храм с Волги

Свято-Георгиевский храм построен в начале XIX столетия на левом берегу Волги. В храме три придела: великомученика Георгия Победоносца, святителя Николая Мирликийского, преподобного Сергия Радонежского. Во время Советской власти храм не закрывался, не подвергся разрушению и осквернению, до сих пор хранит в целом свое первоначальное убранство. В 1913 году храм посетил последний русский император Николай II, когда путешествовал из Нижнего Новгорода в Кострому. Плененный красотой места, он повелел сделать незапланированную остановку, с членами своей семьи поднялся к храму, оставил подарки храму и селу Георгиевскому в память о своем посещении.

В настоящее время при храме образована маленькая монашеская община: четыре священноинока и несколько послушников. Кроме них в селе никто не живет. В этом, как и во многом другом, село, с храмом в центре его, напоминает монашеский скит. Кроме богослужения, заботы о храме и ведения приходского хозяйства,

братья с 1992 года занимаются реабилитацией наркозависимых. Ребята на приходе обретают навыки новой жизни, приучаются к труду, воцерковляются. Около 60% из прошедших здесь реабилитацию молодых людей никогда более не возвращаются к наркотикам.

С чего начинается освобождение от зависимости? Вероятно, с того, что человек начинает иначе воспринимать мир вокруг себя, радуется природе, научается уважать и ценить других людей, предпочитает жизнь в тишине, жизнь в стороне от цивилизации, в удалении от наполненной шумом и рок-музыкой городской суеты. Человек учится думать и задавать себе трудные вопросы, которые не часто ставит перед собою молодежь в наши дни: «Кто я, зачем я, в чем смысл моей жизни?». Без осмысления этих и подобных им вопросов наркомания так и останется закономерным продолжением того образа жизни, который упорно навязывается в последние годы молодым людям.

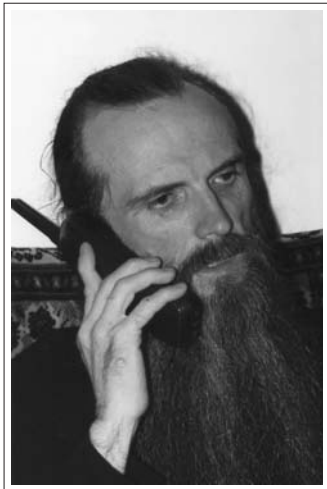
Что изменяется в человеке, пока он живет в православной общине? Чему он научается? Как меняются его чувства? Каким образом из самовлюбленного эгоиста, который видел все в мире только под определенным углом зрения: «чем это может быть выгодно мне?», вырастает личность, способная и видеть, и понимать мир иначе, способная трудиться, благодарить, верить? В попытке ответить на эти вопросы мы публикуем письма, интервью, воспоминания и истории о жизни тех, кто нашел выход, примирился с Богом. Даем возможность пообщаться с теми, кто еще ищет путь истинной жизни. Даем слово их родителям. И конечно, предоставляем возможность поделиться своими мыслями о проблеме и своим опытом тем людям, которые проводят реабилитацию: насельникам прихода.¹

Надеемся, что изложенное здесь окажется полезным для православных общин, которые также намерены помогать наркозависимым. И для самих пациентов, желающих оставить наркотики. И для многих других.

¹ *Имена пациентов изменены, имена монашествующей братии, просящей Ваших святых молитв — нет.*

Особенности православной реабилитации наркозависимых

Игумен Мефодий (Кондратьев)

Игумен Мефодий

Уже более десяти лет в РПЦ проводится реабилитация наркозависимых. Пастырям пришлось столкнуться с этой категорией людей в середине 90-х годов. Для духовников это было новое явление, по отношению к которому надо было выработать особый подход. Наркомания — это одна из главных составляющих родившейся во второй половине XX века внецерковной молодежной субкультуры, изначально враждебно ориентированной по отношению к церковной системе ценностей и христианскому миропониманию. Идеологические установки правящей коммунистической партии и «железный занавес» долгое время не позволяли

этой субкультуре оккупировать территорию нашей страны, но с приходом к полноте власти в государстве новых людей в начале 90-х молодежь была обречена на порабощение этой, крайне безжалостной по отношению к плененным ею молодым людям, субкультуре. Капитуляция была стремительной и почти полной: поработителя давно ждали и с ликованием встречали, как освободителя.

Одним из самых горьких плодов этой без боя проигранной войны явилось появление миллионов разрушенных наркотиками молодых людей, некоторые из которых, в поисках выхода, начали заглядывать в церковь.

Первые опыты общения с ними у духовников, в основном, не были особо удачными. Бывали случаи положительного исхода встречи, но в массе взаимонепонимание и отторжение были обоюдными. Поначалу нелегко было догадаться, что встречу священника и наркомана продуктивнее рассматривать не как встречу двух говорящих на родственном языке иностранцев, а как встречу двух инопланетян. Можно сказать, с некоторым преувеличением, что в духовном смысле в период их общения происходило соприкосновение двух антимиров. Несмотря на первоначальные неудачи, у многих служителей церкви не исчезало желание найти способы результативной помощи наркозависимым, и ими постепенно накапливался на этом пути положительный опыт. Те, кому удавалось находить верный подход, продолжали все более успешно развивать реабилитацию, остальные священнослужители, после ряда неудачных попыток — самоустранились. Показатель успеха у тех, кто всерьез и надолго занялся реабилитацией наркозависимых, оказался неправдоподобно большим: от 50 до 70% выхода в ремиссию (некоторые заявляли и о более высоких результатах, но благоразумнее упоминать лишь о том, что доводилось видеть, а не о том, о чем посчастливилось только слышать). Российская медицина скромнее оценивает результаты собственных усилий по реабилитации: в ремиссию выходят не более 5%. Не завышают ли служители церкви свои показатели, можно ли относиться к их свидетельству как к заслуживающему доверия? Попробуем дать ответ на этот вопрос позднее.

В настоящее время уже можно подводить некоторые предварительные итоги и приступать к анализу успешно действующих программ реабилитации. Собственно, те, кто этим делом занимается, уже не первый год обмениваются опытом. Но заявлять о том, что им удалось достичь единства мнений по всем возникшим принципиально важным вопросам, пока преждевременно. Более того, некоторые православные реабилитационные центры склонны считать верным и результативным только свой подход, другие подходы рассматривают априори, как ошибочные, и потому вовсе не желают их обсуждать. Все же в целом диалог продолжается и

вместе с ростом понимания проблемы возрастает и мера взаимопонимания. Можно надеяться, что общая позиция вскоре будет выработана по всей совокупности вопросов реабилитации, и после этого можно будет поделиться выверенным опытом с теми, кто вынужден сталкиваться с проблемой помощи наркозависимым, но пока не знает пути ее решения.

Конференция по проблемам наркомании в Санкт-Петербурге, 2002 год

Далее попытаемся очень кратко обозначить ответы на следующие вопросы:

- * В чем заключаются особенности церковной реабилитации?
- * В чем состоит основная сложность церковной реабилитации наркозависимых?
- * Какие церковные организации приняли деятельное участие в церковной реабилитации наркозависимых, в чем проявились слабые и сильные стороны у каждой из них?
- * Какая схема реабилитации представляется наиболее выигрышной?

В чем состоит особенность церковной помощи наркозависимым и чем она отличается от реабилитации светской? Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, посмотрим, какие обязательные элементы, не применяемые медициной и

нерелигиозными реабилитационными центрами, включает в себя реабилитация наркозависимых на приходе или при монастыре? Основными и обязательными ее элементами являются трудовые послушания, молитва церковная и келейная (домашняя), пост, индивидуальное духовное руководство реабилитантом и его участие в таинствах. В рамках данной статьи имеется возможность сказать всего по несколько слов о каждом из этих элементов.

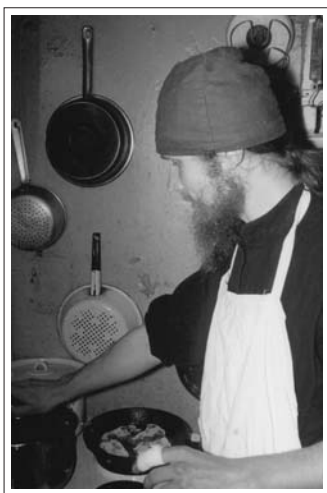
Послушание — это не только и не столько приобретение бывшим наркоманом навыка трудиться, которого у большинства из них нет, но, в первую очередь, постепенное усвоение иного взгляда на труд. Что труд — лучший способ честно раздобыть деньги, — ясно всем. Но, приобретая церковный взгляд на мир, человек открывает также, что труд это, во-первых, тягостная епитимия, наложенная на всех потомков Адама, особенно полезная для тех, кто в своей жизни, подобно наркоманам, активно послужил греху, во-вторых, радостное непосредственное служение Богу и ближним, в-третьих, начальная ступень на лестнице духовного совершенствования человека. При правильном понимании, труд приобретает высокий духовный смысл.

На лесоповале

«Молитва есть бесконечное творчество, высшее всякого иного искусства или науки. Чрез молитву входим мы в общение с Безначальным Бытием. Молитва есть акт наивысшей мудрости, всепревосходящей красоты и достоинства. ...Молитвою возрожденный дух наш начинает удивляться великой тайне Бытия». (Архим. Софроний (Сахаров) «О молитве»). Соприкосновение с молитвой, упражнение в молитве производит решительную перемену в человеке, в его самоощущении, в его самосознании, в восприятии им всего окружающего мира. Даже робкое, скованное, неумелое общение с Богом меняет все перспективы жизни человека. Как мать с трепетом ловит первый лепет своего младенца, так Бог

Отец внимает каждому слову ищущего примирения грешника. Молитва непременно входит в жизнь реабилитанта на приходе.

Священник у плиты

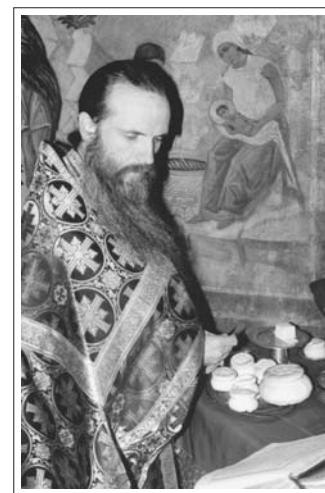
Пост пугает только тех, кто никогда в своей жизни не постился, но те, кто ограничил себя в питании согласно церковному уставу, взамен неожиданно приобрели бóльшую полноту жизни. Пост — один из основных инструментов духовного совершенствования. Посредством ограничения себя в пище, так же как и вкушением пищи с молитвой благодарения, человек питает свою душу и выстраивает благословенные отношения с Богом. Соблюдение постов обычно легко дается реабилитантам, поскольку в этот период их жизни все окружающие постятся, труднее дается верное понимание поста, но если приходит и оно, то пост будет сопровождать их во всю оставшуюся жизнь.

В период жизни при храме у человека появляется счастливая возможность доверить себя руководству духовника, с которым у него иногда складываются настолько глубокие доверительные отношения, которых у человека прежде никогда ни к кому не было. Не всегда так получается, даже не особенно часто, но и одно участливое и сострадательное внимание человека, имеющего некоторый опыт духовной жизни, могущего дать спасительный совет и ответить на трудный жизненный вопрос, дорого ценится людьми. Если духовнику удастся расположить к себе реабилитанта, если тот откроет духовнику доступ в свою душу и убедится в опытности духовного руководителя, то последний получает возможность успешно лечить душу подопечного от всякой страсти, в том числе и от наркотической зависимости. Православное предание хранит богатейший опыт борьбы со страстями.

«Сущность религии есть таинства» (А. Ф. Лосев «Диалектика мифа»). Главная привилегия каждого члена церкви — возможность участия в таинствах. Наркозависимый не лишен этой возможности. Доступ к прочим таинствам человек получает через та-

инство покаяния, а если он прежде не был крещен, то через таинство крещения. Центральным из таинств является Евхаристия. После посильного приготовления допускаются к ней и бывшие наркоманы. Посредством таинств Бог приготовляет людей к вечной жизни, попутно исцеляя их от увечий, причиненных грехом. Надо ли констатировать очевидное: нет такой раны, которую Творец не может уврачевать.

Добавим, к данному основному перечню, чтение бывшими наркоманами духовной литературы, слушание ими проповедей и бесед на духовные темы, возможность постоянного общения с братией монастыря или служителями храма, совместную с ними жизнь или жизнь в ближайшем от них соседстве. Многие из занимающихся реабилитацией монастырей или приходов могут пополнить этот далеко не полный список.

Совершение проскомидии

Что происходит в душе реабилитанта, когда он встречается со всем перечисленным? Предоставим слово одному из них: «Самое большое открытие, что есть другой мир — духовный, другие интересы, другой круг общения. Раньше это было далеко и нереально. Мне казалось, что это полумиф. Я чувствовал свое превосходство пред такими людьми, а теперь понял, насколько они превосходят меня. Мне это тяжело далось: изменение стереотипов». Вместе с изменением стереотипов, изменением взгляда на окружающий мир и на себя, по мере радикального переустройства мировоззрения, у этих молодых людей рождается потребность задать главные вопросы бытия, в первую очередь вопрос о смысле и цели собственной жизни. «Все большее и большее число людей уже не видят смысла в жизни. Когда молодые люди, у которых едва открылись глаза к осознанию данной им жизни, впадают в отчаяние от видения царящего в мире абсурда, тогда печалится сердце глубоко. ... Итак, одной из самых важных проблем становится открытие подлинного смысла нашего явления в мир». (Архим. Софроний (Саваров) «Письма»). Обретение главных смыслов бытия, происхо-

дящее во время жизни при храме, крайне важно для освобождения от наркотической зависимости. Приведем свидетельство известного психолога В. Франкла: «Если верить Стэнли Криппнеру, 100 процентов случаев наркомании связаны с ощущением утраты смысла: на вопрос, все ли представляется им бессмысленным, 100 процентов наркоманов отвечали утвердительно... И здесь понятно, почему Фрейзеру, возглавляющему в Калифорнии центр реабилитации наркоманов и применившему там логотерапию (с помощью которой пациенты обретали смысл — *и. М.*), удалось добиться 40-процентного излечения по сравнению с 11 процентами в среднем при традиционных методах лечения». Настал момент вспомнить отложенный до времени вопрос о доверии и ответить на него встречным вопросом. Если осмысление жизни способно повысить выход в ремиссию до 40 процентов, то насколько еще возрастает этот процент, когда в процесс реабилитации включаются трудовые послушания, молитва, пост, духовное руководство и церковные таинства? Цифры о выходе в ремиссию, приводимые церковными центрами реабилитации, заслуживают доверия, на-

Причащение прихожан

копленный ими опыт — изучения. Итак, основным деятелем в православной реабилитации является Творец, Промыслитель и Спаситель мира. Первая и главная задача для остальных участни-

ков реабилитационного процесса — дать возможность Богу властно и могущественно вмешаться в ситуацию. Что может «обессилить» Бога, стать препятствием для Его любви, желающей исцеления юного создания от наркотической зависимости? «Сила любви велика и победоносна, но не до конца. В человеческом бытии есть некая область, где даже любви положен предел, где даже она не достигает полноты власти. Что же это такое? Свобода». (Архим. Софроний (Сахаров) «Старец Силуан»). Бог полновластно займется врачеванием души страждущего человека только при неизменном согласии последнего на то, чтобы Спаситель вошел в его жизнь. При этом необходимо, чтобы человек благо разумно выстраивал свои отношения с Богом. В Евангелии примеры спасительного обращения к Христу показывают кровоточивая женщина, хананейка, мытарь, благо разумный разбойник. Поэтому вторая и не менее важная задача организаторов реабилитации — помочь наркозависимому верно поставить себя перед Богом. Но в отношении любого христианина духовники решают эту же задачу. В чем же тогда заключается особенность и сложность решения данной задачи для ситуации с наркоманами?

Необходимо ясно понять, что в церковной ограде наркоман — пришелец из антимира, из антихристианского мира. Если это и преувеличение, то совсем незначительное. Его отделяет от церковной паствы совсем другой жизненный опыт, иная, перевернутая система ценностей, иное видение мира и понимание царящих в обществе законов, иные цели и стремления ведут его по жизни. В духовном пространстве молодежной субкультуры он впитал иную «догматику», где-то подспудно, а где-то и откровенно антихристианскую. Несмотря на юные годы, многие из них уже достигли совершенства в умении лгать, стяжали ведение изощренного разврата, криминал стал неразлучным спутником их жизни. Для них характерно равнодушное отношение к страданиям самых близких и родных людей, но они моментально определяют в ближнем сочувствие к себе и попытаются «обналичить» это доброе расположение. И то, что они пришли в церковь, не должно вводить в заблуждение: привело их сюда совсем не богоискательство, вовсе не раскаяние о множестве совершенных преступлений. Для большинства из них стремление в церковь — это не стремление «к», это бегство «от». Бегство от всей совокупности хаоса и разрушения, которые наркоман стремительно распространяет вокруг себя и от

которых первый же страдает. Бегство от смерти, которая уже открыла на него охоту (продолжительность жизни наркомана от начала наркотизации до трагической развязки составляет в среднем только 5–7 лет). Когда приходит адекватное понимание реальности относительно наркозависимых, тогда попытки быстро объяснить с наркоманом на словах и с помощью набора из нескольких спасительных советов вывести его из беды — выглядят крайне наивными. Нет простого универсального алгоритма для установления продуктивного общения с человеком, поработанным наркотиком. «Мы все говорим "на разных языках". Почему на разных? Да потому, что за каждым нашим словом скрыты вся наша жизнь, весь наш опыт». (Архим. Софроний (Сахаров) «Письма»).

Но для принятия крайне пессимистических выводов тоже нет основания. Пришедший за помощью наркоман осознал наконец, что попал в беду, и напряженно ищет выхода. Он готов слушать, хотя при этом еще не способен понимать. Он согласен с тезисом, что надо что-то коренным образом менять, хотя не знает доподлинно, что именно и каких это может потребовать от него усилий и жертв. Он дает небольшой кредит доверия служителю Бога, поскольку у него нет иного выбора. Все это создает возможность для встречи, которая должна иметь продолжение. Первая жертва, которую наркоман должен принести ради обретения свободы от власти наркотика над собой, — это дать согласие покинуть среду своего обитания, на время прекратить общение с родными и знакомыми, поселиться в православном реабилитационном центре, согласившись соблюдать принятые там правила. Многие соглашаются «рискнуть». На основании небольшого опыта, который реабилитант приобретает при соприкосновении с новым для него церковным миром (при сведении в этот же период к минимуму влияния прежнего), можно будет попытаться определиться с ним относительно некоторых жизненно важных вещей, конструктивно «проговорить» его проблему, благодаря возникающему взаимопониманию, указать путь религиозного исхода из наркотического рабства. Опыт свидетельствует, что такой подход приносит добрые плоды. Через некоторое время при работе с ним в этом направлении для пациента открывается возможность осмысленного отношения к труду, постепенного, сознательного принятия в свою жизнь молитвы, поста, церковных таинств, он может ощутить потребность в духовном руководстве. Все ли принимают та-

кое решение? Конечно, нет. У многих интереса к религиозной жизни не возникает, но, по крайней мере, они получают понятие о том, в чем она заключается. Может быть, они будут призваны Господом позднее.

Кто в Православной Церкви занимается реабилитацией наркозависимой молодежи? Каждый православный центр по реабилитации можно отнести к одной из трех групп:

* светские центры — общественные организации, созданные православными мирянами;

* занимающиеся реабилитацией приходы и монастыри;

* центры реабилитации, объединенные между собой для осуществления системного подхода: начальный этап реабилитации проходит в светском центре, затем пациенты принимаются на приходы или в монастыри.

Кратко отметим особенности каждой из групп, обозначим их слабые и сильные стороны.

Светские центры реабилитации. Любой из них создан группой православных энтузиастов, которые вместе составляют ядро организации. Вокруг них собирается коллектив специалистов-профессионалов, среди которых могут быть медики, наркологи, психологи, социальные работники, специалисты по организации трудового процесса и необходимый обслуживающий персонал. Располагаются такие центры как в городе, так и вне городов — последнее, очевидно, предпочтительнее. Сотрудники центра выходят на работу по обычному графику, пациенты в их жизнь входят только в пространстве процесса реабилитации, с семьями сотрудников наркозависимые никак не соприкасаются. Вся жизнь в этих организациях выстраивается вокруг пациентов, сотрудники непрерывно их опекают, тем более что оставлять без тщательного контроля такое количество недавно оставившей наркотизацию молодежи (от 10 до 30 человек) небезопасно. Время процесса реабилитации составляет здесь 2–3 месяца. На реабили-

Выступление о. Мefодия на Рождественских чтениях в Москве, 2005 год

тацию принимают одновременно как юноши, так и девушки, хотя часть организаций отдает предпочтение отдельной реабилитации. При некоторых светских центрах построены часовни или даже храмы, в которых периодически служит окормляющий центр священник.

В чем видятся плюсы и минусы реабилитации в светских центрах? К плюсам можно отнести немалую пропускную способность таких центров и возможность уделить каждому реабилитанту необходимое количество времени. Положительной оценки заслуживает умение сотрудников общаться с пациентами на доступном для наркозависимых невысоком духовном и культурном уровне, неплохая организация медицинского контроля, возможность культурного, нравственного и религиозного просвещения одновременно значительной группы молодежи. К минусам следует отнести обычно слабую воцерковленность значительной части сотрудников, которые поэтому не могут формировать у реабилитантов ясного представления о религиозной жизни, недостаточное участие, а иногда и отсутствие в реабилитационном процессе православного священника — духовника, редкое совершение церковных таинств на территории реабилитационного центра или их полное отсутствие.

Монастыри и приходы. В деятельности этих первичных церковных структур реабилитация совсем не занимает центрального места, а является лишь одним из видов их социальной деятельности. Но зато пациенты живут вместе или в ближайшем соседстве со служителями храма или с братией монастыря, наблюдают вблизи всю их жизнь и участвуют в ней. Оптимальным временем реабилитации здесь считается период от 6 до 12 месяцев, иногда даже более длительный. Православные общины предпочитают отдельное прохождение реабилитации для юношей и девушек: так принято на приходах, а тем более в монастырях. Монастыри мужские принимают юношей, женские — девушек. При монастырях пациенты живут иногда вместе с трудниками (работниками), но в основном их предпочитают селить отдельно от трудников и в непосредственном соседстве с монастырем. На приходах реабилитанты живут вместе со служителями храма, в этом случае благоразумие требует, чтобы общее число реабилитантов было не больше числа постоянных жителей, хотя бы существенно не превышало его. Тех, кто после продолжительной и успешной реабили-

тации выбрал для себя жизнь при храме, следует рассматривать как служителей церковных, а не как «вечных» пациентов.

В чем плюсы и минусы реабилитации при приходах и монастырях. К очевидным плюсам относится возможность полноценного участия пациентов в богослужениях, в таинствах, возможность пользоваться духовным окормлением опытного духовника. Не менее важно для реабилитантов соприкосновение с повседневной жизнью большой общины церковных людей, весь уклад которой резко контрастирует с тем, что они наблюдали в своей прежней жизни. Через это для них открывается возможность интенсивного опытного освоения этого иного бытия в мире. К минусам можно отнести ослабление контроля за реабилитантами, необходимость для них проявления собствен-

Вид храма

ной активности для продвижения в религиозной жизни, к чему многие из них совсем не готовы. Следует отметить еще малую пропускную способность приходов и монастырей, поскольку сроки реабилитации значительны, а количество пациентов, одновременно проживающих при монастыре и тем более на приходе, не очень велико. Неоправданное увеличение числа реабилитантов сразу резко снижает их выход в устойчивую ремиссию, поскольку при большой скученности и недостаточном контроле наркозависимые пациенты вместо стремления войти в церковную жизнь устремляются к воспроизведению при храме реалий молодежной субкультуры. Дело может принять такой оборот, что приход вынужден будет на время оставить деятельность по спасению наркоманов и обратиться к спасению своей приходской жизни. В деле реабилитации надо трезво оценивать свои силы и возможности. Но самая большая сложность состоит в ином. Если наркоман попадает из мира сразу на приход или в монастырь, то он не может понять религиозной жизни, не может правильно войти в нее, а у служителей Бога не хватает ни достаточного времени, ни необхо-

димого опыта, чтобы помочь ему сделать первые верные шаги на пути к духовной жизни. Все, чего человек не понимает, для него тяжело. В результате возникает взаимное отторжение и обида. Случается, что наркозависимый заканчивает свое проживание при храме таким поступком, после которого служители уже побаиваются приютить другого подобного. Но все может пройти вполне благополучно, если на приходе есть успешно прошедшие реабилитацию пациенты: они помогут новичку совершить переход из одного мира в другой и советом, и примером. Нельзя не заметить, что образуется заколдованный круг: чтобы положить при храме начало результативной реабилитации наркозависимых, надо, чтобы при нем уже были благополучные реабилитанты. Прорвать этот круг может особое содействие благодати Божией. Можно попытаться обойти эту сложность и другим путем. Автору известен настоятель прихода, который первоначально дал согласие на продолжение реабилитации у себя шестерых «выпускников» светского православного реабилитационного центра, а потом, воспользовавшись их помощью, начал принимать пациентов непосредственно из мира. Так у него установилась добрая преемственность в этой деятельности, которую он продолжает до сих пор.

Остается рассмотреть *системный подход к реабилитации*, когда начальный ее этап проходит в светском центре, затем пожелавшие того «выпускники» принимаются на приходы или в монастыри. Когда заканчивается первый этап, сотрудники светского центра рекомендуют тем, у кого проснулось неложное стремление к религиозной жизни, продолжить воцерковление в приходской общине или при братстве монастыря. Тех, у кого первый интерес к церкви угас за время светской реабилитации, готовят к возвращению в мир. Один светский православный центр может взаимодействовать одновременно с несколькими монастырями и приходами, поскольку у него более значительная пропускная способность. Такой системный подход позволяет свести почти на нет слабые стороны обоих, прежде рассмотренных, подходов к реабилитации. Сотрудники светской организации, занимающиеся распределением «выпускников», хорошо знают особенности каждой входящей в систему церковной структуры, присмотрелись и к особенностям каждого из своих питомцев, потому стараются направить каждого из них в наиболее подходящее для данно-

го пациента место. В некоторых случаях, если первое распределение не оказывается удачным, можно договориться о перемещении реабилитанта на другой входящий в сеть приход или в монастырь. Автор статьи имел возможность включиться в реабилитацию именно по этой схеме с самого начала. Думается, что подобный системный подход имеет значительные преимущества перед двумя остальными, поскольку позволяет дополнительно укрепить сильные их стороны и вместе нейтрализовать слабые.

*Первая литургия в реабилитационном центре
«Мельничный ручей»*

На этом можно закончить краткий обзор особенностей православной реабилитации наркозависимых. Церковь не должна отказывать в помощи тем, кто просит ее содействия в освобождении от наркотического плена, и не в праве навязывать свою помощь тем, кто против ее вмешательства. Опыт, накопленный православными реабилитационными центрами, как светскими, так и церковными, должен быть проанализирован и предложен вниманию служителей церкви, сталкивающихся с этой проблемой. Последнее слово в данной статье оставим пациенту, который начал свою реабилитацию на «Мельнице» — реабилитационном центре под Санкт-Петербургом, а продолжает на одном из православных приходов:

«Мельница» — это вектор. Закладываются начатки. Там проходит отрыв от наркотиков. Переломный момент происходит за эти три месяца, но этого мало. Там только показывают направление, а приход может дать силы, потому что полностью осознаешь все только на приходе. Разные функции у «Мельницы» и у прихода. Отношение к духовному миру надо менять. Все время я был неверующий, вернее как все, т. е. считал, что есть какая-то сила. Теперь для меня духовный мир — это ходить в храм, стараться соблюдать заповеди, хотя бы как можно меньше грешить. Надо начать с малого и постепенно себя загружать. Поменяется круг знакомых, образ жизни, и из этого все вытекает. Сейчас я не готов. Мне нужен внутренний стержень. Пока его нет, но я надеюсь и работаю над тем, чтобы он появился, поэтому здесь, на приходе, и нахожусь».

Воспоминания о жизни в селе Георгиевское бывших пациентов фонда «Возвращение»

Андрей

В Георгиевском я провел около восьми месяцев. Небольшой срок в календарном смысле, однако сейчас, по внутренним ощущениям, кажется, что прожил там гораздо дольше. В какой мере различалась моя прежняя городская жизнь с приходской, в той же мере каждый прожитый при храме день обогащался новыми впечатлениями, и срок пребывания в Георгиевском представляется для меня теперь более продолжительным.

Собираясь в Георгиевское, я не имел почти никакого понятия об укладе и принципах приходской жизни. Все мои знания об этом имели своим основным источником рассказы о жизни на приходе моих новых друзей, имевших такой опыт. Их главенствующим настроением было восхищение, а целью — воодушевить меня на этот шаг и предостеречь от распространенных ошибок. Однако связной и четкой картины мне создать не удавалось. Помню, что даже спрашивал: «Можно ли мне взять с собой зубную щетку?»

Приехал я на приход зимой. Хорошо помню день приезда. Было довольно холодно — более 20 градусов мороза. Мы доехали из Санкт-Петербурга до поселка Ермолино, там пересели на электричку Иваново — Кинешма, по прибытии в Кинешму сели на автобус до Решмы. Первые необычные впечатления начались в автобусе. По времени поездки от Кинешмы до Решмы занимает минут сорок. По прошествии пятнадцати минут поездки в автобусе разбилось и вылетело лобовое стекло. По городским меркам ехать при двадцатиградусном морозе без лобового стекла — немыслимо. Здесь же действовали свои порядки. Водитель без ко-

лебания натянул и подвязал шапку-ушанку, и мы продолжили движение. В Решме нас встретил игумен о. Мефодий и на «Запорожье» по Волге, покрытой льдом, доставил до места назначения — села Георгиевского.

Иеромонах Силуан

Первыми людьми, которых я встретил, оказались о. Силуан, с черной заиндевевшей бородой, и Вячеслав, ремонтировавшие большие, из жести и дерева, санки. Все было немного похоже на сказку: бородатые и сильные, не боящиеся мороза, приветливые люди, деревенский быт, красота природы, ощущение полной оторванности того места, куда я попал, от остальной цивилизации.

Внешняя жизнь, связанная с работами и прочим, на первый взгляд ничем особо примечательным не выделялась. В первом приближении

именно так городской житель, скорее всего, представляет жизнь в деревне. Первое замеченное мною отличие касалось взаимоотношений между насельниками Георгиевского. Было очевидно стремление людей смирять свой эгоизм, что резко контрастировало с тем, что я видел до сих пор. Может быть, не всегда и не у всех это получалось, но общая направленность ощущалась определенно. До этого в моем прежнем кругу, где каждый хотел доминировать, я почти не встречал такого. Вместе с этим в отношениях между людьми главенствовала доброжелательность, не напускная и бурная, а тихая, которой доверяешь больше. Я едва ли что понимал в жизни по Богу, но мне сразу понравилось, как живут эти люди. Я стал им доверять. Мне захотелось им подражать. Это было что-то гораздо более стоящее и настоящее, чем то, что я видел и переживал прежде.

Самым заметным в плане влияния на внутреннюю жизнь внешним впечатлением явилась тишина. Необычайная. Тишина, способствующая напряжению органов чувств, внешнему и внутреннему вниманию, так как странно вначале оказаться в таком звуковом вакууме.

Вскоре я понял, что основным стержнем тамошнего жизненного уклада является Богослужение: не только служба, совершаемая в храме, скорее особая расстановка жизненных приоритетов. Во-первых, люди, живущие на приходе, стараются служить Богу, во-вторых, реализуют нужду в выполнении других насущных работ. При этом каждая такая работа освящается молитвой. В случае возникновения конфликта предпочтение отдается занятиям, связанным с Богослужением. Помню, как в разгар летних работ о. Силуан дал мне послушание одному идти читать повечерие, несмотря на ценность лишних рабочих рук, так как по его словам «у нас не должно прекращаться молитвословие».

Каждый из сезонных периодов имеет некоторые особенности, в то время как незыблемым стержнем является церковный уклад жизни.

Зима — пора особой тишины и самоуглубления

Зима — пора особой тишины и самоуглубления. Кажется, что природа уснула, в ней ничего не происходит. Это рождает покой и особенное состояние духа. Никуда не спешишь, везде успеваешь. Временами природа радует глаз необычайной красотой — сочета-

нием яркого солнца на голубом небе и ослепительно белого снега, блеск ом инея на ветвях деревьев и на стекле окна твоей келии.

Весной природа истощена, и ты вместе с ней. Время Великого поста, когда основной пищей является Богослужение. Внутреннее сосредоточение облегчается не только пищей, но и тем, что природа в это время очень скупа на яркие краски — доминирование серого и коричневого. Первый раз Великий пост — особенный. Каждый из отцов и братьев имеет свои личные воспоминания, связанные с первым Великим постом. Ожидание Великого поста как Великого таинства. Первая седмица — чувства голода и усталости побеждаются желанием глубже понять и вместить в себя происходящее. Последняя седмица — физические силы на пределе, чувства обострены воздержанием, ожидание Пасхи достигает своего апогея. И вот долгожданный День. Необычайная

радость, выражаемая всеми по-разному — от тихого углубленного в себя умиротворения, до благообразного безумства. Всю Светлую седмицу — праздничный стол, утешения на любой вкус, звон колоколов, каждодневные праздничные вечерня, утрениа и литургия.

Лето — пора физически сильных людей. От напряженности труда зависит объем продовольственных запасов на целый год. Для того чтобы год прошел без голода, необходимо серьезно потрудиться. Работы разнообразные, в основном сельскохозяйственные, заготовки дров и строительные. Время физической усталости.

Сенокос — горячая пора

Уехал я несколько раньше, чем планировал. Мне не хватило настойчивости остаться на более долгий срок. Уходило лето, все желтело вокруг, уезжали новые друзья, и мне тоже захотелось перемени. Я не все понял в тамошней жизни и не осознавал, что теряю, когда уезжал. О. Мефодий объяснял мне, что проведенный мною срок достаточен лишь для понимания внешней стороны жизни на приходе. Это первый этап. Когда адекватное осознание

внешнего круга жизни позади, когда большинство внешних действий и отношений может совершаться полуавтоматически, настает пора углубиться во внутренний круг. Вряд ли можно отыскать более благоприятную ситуацию для воцерковления, чем та, которую мне дал Бог: жизнь вдали от городов, рядом с человеком, прошедшим серьезную духовную школу. Теперь я понимаю, что поступил весьма неразумно, пренебрегая этим даром.

После основного периода жизни в Георгиевском я бывал там еще три раза, оставаясь примерно на месяц. Ездил не в силу каких-то проблем в городской жизни, а потому, что имел в Георгиевском своего духовного отца и братьев, горел желанием большего воцерковления, а также чувствовал привязанность к этим местам. Для меня это место, в котором, я уверен, мне всегда смогут оказать радушный прием, где живут мои духовные наставники и друзья, где я всегда смогу получить духовное утешение и приобщиться к тому укладу жизни, который мне стал очень дорог.

Михаил

Поставив сумку на пол, я присел на кровать и огляделся вокруг. Ничего на приходе не изменилось, хотя прошло почти четыре года. Время не властно над этим местом. Конечно, здесь появились новые постройки, да и технический прогресс не обошел стороной, но ничто не смогло нарушить то состояние покоя и чего-то еще, что так чувствует душа и совершенно невозможно выразить словами. Я закрыл глаза...

Когда мама оставила сына на скамейке возле дома — подождать ее, пока она сходит в магазин, к мальчику подошли двое. Они были старше его и учились в классе пятом или шестом. А еще эти парни были сильнее, и им хотелось свою силу показать. Вернувшись из магазина, мама застала своего ребенка плачущим, но на все ее вопросы, что случилось, сын так и не ответил, что произошло. Он тогда хотел одного. Отомстить. Но для этого надо стать жестоким, решил он...

Это была первая, но далеко не последняя большая ошибка в моей жизни. Родившись в семье, где родители были инженерами, бабушка учительницей, а дедушка партийным работником, я не мог достигнуть своей цели, а именно стать жестоким, и поэтому я периодически убегал из дома, где меня все любили. Бродил по улицам, в то время как родители буквально сходили с ума, не зная,

где их единственный сын. Когда я возвращался, мое отсутствие прощали и дома наступал праздник. Еще мне очень нравилось болеть. Лежа в кровати и изображая очередной недуг, я наблюдал, как суетятся родители и исполняют почти любой мой каприз. В этом заключалась моя вторая большая ошибка. Так с самого юного возраста во мне развивался эгоизм. Спустя несколько лет, я уже профессионально умел врать, а поскольку я выглядел симпатичным и происходил из интеллигентной семьи, то мне верили и я легко получал то, что хотел. Если желаемого не удавалось добиться обманом, то позволял себе украсть, а если очень хотелось, то и отнять. Чем дальше, тем больше, к тому же мне везло, и я не попадался на преступлениях. Но жизнь почему-то была не в радость. Меня томила скука, и порой становилась так тоскливо, что я готов был резать вены на руках. И однажды, хмурым осенним днем, когда на душе у меня в очередной раз царил тоска, я просто поехал к знакомому и сказал, что хочу купить наркотик. До этого я пробовал дышать, курить, пару раз двигался кислотой, закидывался грибами, но никогда не знал действия опиума. Знакомый торчал на черном² и, конечно, помог мне взять раствор — 1,5 мл. Это стало третьей большой ошибкой в моей жизни. Кайф³ мне очень понравился. Мир вокруг изменился. Стало легко, и ничего не томило душу. Даже тошнило по-особенному. Как будто просто выливалось лишнее, и на эту тошноту совсем можно не обращать внимание. Ведь в голове и на душе сказочное блаженство. Нужны только деньги, чтобы брать дозу и продлевать радость. Я рос. Рос вместе со мной и мой дозняк⁴. Появился героин, постепенно заменив собой раствор ацетилованного опия. Когда я опомнился, то уже стоял на коленях... Героин стал моим хозяином. За белый порошок я был готов на все. Теперь, когда я полностью находился во власти зла, сам делал зло, оставалось только умереть. Либо от передоза⁵, либо иначе. Жить я уже не мог...

Эти воспоминания пронесли у меня в голове. Я открыл глаза. Стояла тишина. Тикали часики на стене. С жужжанием билась

² Раствор ацетилованного опия.

³ Общее название наркотиков и состояния эйфории от их приема.

⁴ Количество употребляемого наркотика.

⁵ Смерть от передозировки наркотика (здесь и далее примеч. составителя).

о стекло муха. А за окном виден храм. Его купола сверкают на солнце каким-то особенным блеском. Этот храм, это место спасли мне жизнь. Я приехал сюда, когда надежды на спасение почти не осталось.

Свято-Георгиевский храм

Сначала было тяжело привыкнуть рано вставать на молитву. Тем более что особой веры в Бога и не было вовсе. Наоборот, чувствовалась какая-то злость на все, что связано с православной церковью. Также было в тягость работать за послушание у батюшки. Но что-то в душе тянулось ко всему этому. К этим бородатым людям в черных одеждах. И я остался жить с ними, а они приняли меня и молились за мое спасение. Через какое-то время я начал видеть вокруг себя жизнь. Героин не тяготил меня воспоминаниями о себе. Постепенно я привыкал к труду. Мне казалось непонятным, как я мог жить раньше так бездумно. Делать вещи, от которых страдали и близкие, и в первую очередь я сам. Ведь человек не создан быть рабом привычки. Теперь я это точно знал. Стал появляться интерес к работе, к церкви. Уже не тягостно было выстаивать церковные службы. Новое ощущение подъема, радости и покоя появилось в душе. И каждый прожитый день стал приносить

радость. Я чувствовал себя легко, смотрел на мир другими глазами. И понял слова великого Ф. М. Достоевского, что без веры русский человек дрянь. Главное, я сам поверил. Эгоизм, гордость мешали мне обращаться к Богу, но теперь я знал причину и был готов к борьбе со злом, которое еще жило во мне и временами пыталось вырваться наружу. Прошло два года жизни в монастыре. По утрам молитвенное правило, батюшкино благословение, затем завтрак и до обеда работа по хозяйству, потом небольшой отдых и снова какое-нибудь дело до ужина. Трудиться становилось все легче, и хотя я иногда уставал, эта усталость была приятной. Я начал задумываться о том, как жить дальше. Вернуться в город или остаться в монастыре подольше. Я решил уехать в город и начать честно жить и работать там. Вскоре это устроилось. Почти четыре года я провел в городе, но не все пошло так, как мне изначально хотелось. Я принял решение снова вернуться в монастырь. Мне ста-

Цветы радуют всех

ло понятным, что предстоит еще большая борьба со страстями. Но я точно знаю, что в предстоящей борьбе я не одинок. Не надо лукавить и лгать, а нужно просто прийти и сказать: «Прости и помоги, Отче». И твои слова будут услышаны. И придет помощь, и вернуться силы.

* * *

В дополнение к воспоминаниям Михаила мы публикуем несколько стихотворений из написанных им на приходе. Они позволят заглянуть в душу автора, высветить мысли и чувства молодого человека в период перехода его к новым основаниям для бытия в мире. Не следует удивляться тому, что основной их настрой далеко не оптимистичен. Важно то, насколько верно они отражают состояние грешника, приходящего к Богу без особого желания, но все же с некоторой надеждой.

Гори костер и пой шаман,
Читай заклятье чернокнижник.
Свою дорогу выбрал сам,
Не праведник и не подвижник.
Греха усладу я впитал,
Надел оковы сладострастья.
Безжалостно вонзал кинжал
В Любовь, Доверие и Счастье.
Бегу.... Но впереди тупик,
И мне знакомо это место.
Огонь со льдом, повсюду крик,
Я проиграл... Так будет честно.

Дай мне просто уснуть,
Раз не мог измениться.
Ты показывал путь,
Как я мог с него сбиться?
В темноте по углам
Зря искал вдохновенья,
Все надеялся сам,
Без любви и терпенья.
Путь свернул в никуда,
Буду спать за оградой,
Дождаться Суда
С незажженной лампадой.

Смерть

Приди, положи мне руку на лоб,
Рука твоя холодна.
Я видел во сне, как меня клали в гроб,
Испита чаша до дна.
Пред смертью взглянул в тишину твоих глаз,
Глазницы были пусты.
Вдруг небо на землю обрушилось враз,
Когда я понял: кто ты.
Распалась на части мозаика снов,
Где бесы сети плели.
Душа отрешалась от бранных оков,
Летела прочь от земли.
И каждый должен встретиться с ней,
Когда пробьет его час.
А время летит все быстрее и быстрее,
Оно всегда против нас.

* * *

Ваши руки упали на плечи мне,
В тишине слышно только дыхание,
Вы умеете лгать, но я знаю, где
Вас найти, если будет желание.

Не ищите, мадам, что потеряно,
Ах, не надо теперь этих глупостей,
Отцвело и завяло то дерево,
Что дарило плоды в нашей юности.

Осень плачет в душе неизбежностью,
Но не надо жалеть о прощании,
Мы расстанемся с Вами, но с нежностью,
Как когда-то на первом свидании.

Любовь

О Той, Кто придет, шепчет ветер в дубраве,
О Ней же колышутся вольные травы,
И дождь барабанит на крышах про то же,
Вокруг сговорились в природе, похоже.

Ночной мотылек и костер знают это,
Хотя не увидят живыми рассвета.
Ведь к Той, Кого ждут, будут вечно стремиться
Те души, в которых Она воплотится.

Евгений

Я попал на приход к отцу Мефодию в 2000-ом году. После двух месяцев, проведенных в реабилитационном центре на «Мельнице», мне предложили поехать в Георгиевское. Я согласился и в начале марта поехал туда. В городе Кинешма нас должен был встречать батюшка, и, честно вам признаюсь, я ждал этой встречи с нетерпением. Думал, что когда он меня увидит, то сразу полюбит и расцелует: ведь к нему приехал такой замечательный парень, как я. Когда мы вышли из вагона, о. Мефодий спокойно поздоровался со всеми и всех благословил. Потом поинтересовался, как мы доехали, и после этого сказал, чтобы мы садились в машину. Мы поехали. Как, и это все? Я так ждал этой встречи, и это все?! Ведь я-то думал, что делаю всем большое одолжение, приехав сюда.

Опережая события, хочу сказать, что я как был самовлюбленный и эгоистичный тип, так им и остаюсь, с одной лишь разницей: сейчас мне это отчасти понятно, а тогда этого не то что не видел, но не задумывался над этим. Было убеждение: я — пуп земли, и она вращается вокруг меня.

Наконец мы добрались до места. Я родился в Ленинграде, всю жизнь жил в городе и, естественно, привык ко всем благам цивилизации. Поэтому, когда после ужина мне объяснили, что на приходе нет горячей воды и вообще водопровода, я немного загрустил. А дальше меня ждал еще один сюрприз: туалет был на улице! И дом надо топить дровами.

Ну что же, подумалось мне тогда, как только сойдет снег, я уеду обратно. Вот так я познакомился с селом Георгиевское.

В этом благодатном месте постоянно живут четыре монаха: настоятель о. Мефодий, о. Силуан, о. Амвросий и о. Павел. Трудно жить в общежитии, а тем более с такими людьми. Ведь на их фоне начинаешь выглядеть злым и нетерпеливым человеком. Но шло время, я работал, ходил на службы, пытался молиться — и жить становилось легче. У меня было много фантазий в голове, представлений, которые теперь уже кажутся мне смешными. Я ходил к

батюшке с вопросами и даже спорил. О. Мефодий учил меня трезво смотреть на вещи. В итоге я понял, почему так сложно уживаться с людьми, осознал, что мои претензии к окружающим беспочвенны. Здесь на приходе наш брат реабилитант — временное явление. Пришло понимание того, что эти люди жили здесь до тебя, живут с тобой и будут продолжать жить после твоего отъезда. Что это их дом, а ты только приезжаешь к ним в гости. Это они делают тебе одолжение, а не ты им. Это они терпят тебя, а не ты кого-то терпишь. Тебе кажется, что все вокруг не любят тебя, но это совсем не так. Ты сам не умеешь никого любить.

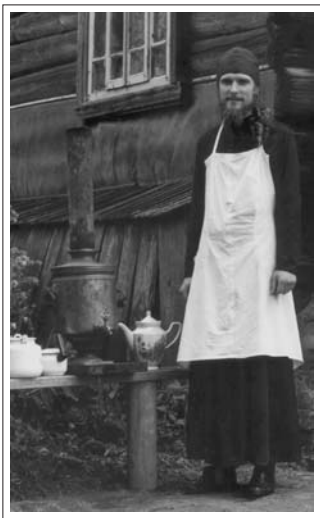
Иеродиакон Павел

Любовь этих людей проявлялась не в поглаживании по голове, не в ласковых словах, а совсем в другом. Похвала способствует развитию тщеславия, но совсем не делает тебя лучше. Чтобы увидеть, как проявляется любовь этих людей, нужно поменьше думать о себе. Тогда можно увидеть, насколько они умеют жертвовать своим покоем, отдыхом, делиться с тобой, отзываться на твою нужду.

Благодарю Господа за то, что Он свел меня с этими людьми. Хочу сказать братии прихода: «Спасибо вам за ваше терпение и любовь, за ваши молитвы и за ваше постоянство».

Константин

Мое желание поехать на сельский приход созрело еще до приезда на «Мельницу». Город медленно убивал меня, отбирая последние силы. «Мир или война? Бог или смерть?» Я хотел жить. И опыт последних четырех лет

Иеродиакон Амвросий

моей жизни подсказывал: чтобы выжить, нужно бежать из города, и как можно быстрее. Уехать в какое-нибудь тихое и далекое место, туда, где мало людей и вокруг только природа, где, по моим понятиям, Бог совсем близко.

Употреблять героин я начал в 1997 году. Когда понял, что «подсел», остановиться пытался и сам, и при помощи родителей. Кто-то посоветовал уехать из города в монастырь. В 1999 году я оставил город, прожил около полугода трудником в Александро-Свирском мужском монастыре, где начал свой путь к Богу. В то время монастырь только начинал восстанавливаться и основой жизни в монастыре были послушания по ремонту и реставрации монастырских построек, разрушенных временем и советской властью. Но после послушаний трудники были предоставлены сами себе. Вот это свободное время и сгубило мои благие намерения. Лихая компания и алкоголь разом тормознули мое воцерковление. Чем дальше — тем хуже (появились срывы на наркотики), и из монастыря меня попросили уехать. В 2000 году вернулся в город.

Поначалу, после приезда, еще старался ходить в церковь, исповедоваться и причащаться, но не сформировался во мне тот стержень, на который можно было бы опереться. Снова начал регулярно употреблять героин и в конце концов оказался на самом «дне», с полным наркоманским набором: гепатит В, гепатит С и ВИЧ.

В ночь Рождества Христова 2004 года уже не моя, но Божья сила привела меня, бездомного и «вмазанного», в Александро-Невскую Лавру, где я, стоя на службе, с болью сердечной молил Господа спасти меня. На следующий день сам лег в больницу. Из больницы позвонил маме, и мама, которая до этого не хотела пускать меня даже на порог, сразу приехала, а после выписки забрала домой.

Начались поиски мест, где оказывают помощь наркозависимым. Сначала я предпринял попытку вернуться в Александро-Свирский монастырь, но успехом она не увенчалась: отцы меня узнали и, сказав, что наркоманов больше не берут, благословили возвратиться домой. Затем я услышал о «Мельнице». Меня приняли на «Мельнице», и там, вместо положенных трех, я провел почти восемь месяцев: пять последних работал в качестве волонтера. Последние два месяца (по наущению лукавого) начал

повторять уже известные мне ошибки и снова начал вязнуть. Срыв, которому сопутствовал некоторый материальный ущерб для организации, — и в результате меня просят уехать. Сотрудники, хотя удалили меня, но не прекратили обо мне заботиться: они просили за меня настоятеля далекого от Питера прихода на Волге. И по их просьбе меня приглашают на этот приход, приглашают в то время, когда я менее всего мог на подобное рассчитывать. Мое желание исполнилось. Бог снова взыскал меня.

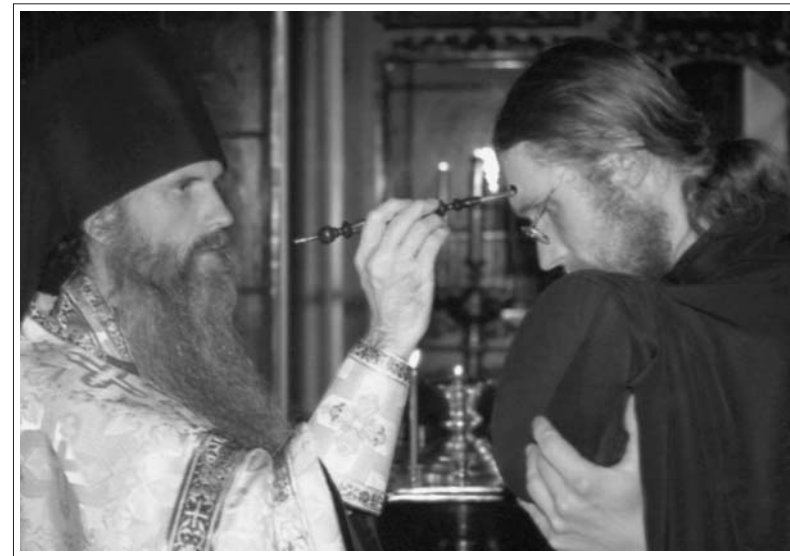
И вот я здесь, в Георгиевском. Сейчас мне кажется, что это лучшее место из тех, где мне пришлось побывать. Тишина, покой, природа, и Бог совсем рядом. Каждый прожитый день проходит с пользой для души. Я больше узнал себя, стал разбираться в ошибках, которые допустил в своей жизни. Здесь и свободное время проводится с пользой: ведь отцы хорошо знают нашу проблему и не дают «расслабиться», да и общая обстановка на приходе не способствует этому. Здесь я впервые прочитал полностью Псалтирь, здесь начинаю познавать настоящую музыку.

Музыка играла прежде и продолжает играть очень важную роль в моей жизни. Много лет назад, когда я еще не употреблял героин, я серьезно увлекся рок-музыкой. В 15 лет основал свою

Каждый несет свое послушание

первую рок-группу. За последующие два года сформировался постоянный состав и стиль: мелодичный, почти симфонический, но супертяжелый металл. С 1994 года много выступали по Питерским клубам, участвовали в фестивалях и к 1996 году стали довольно известны в городе. Появились свои поклонники, нас начали приглашать выступать в клубах Питера и области, хотя прежде мы не без труда добивались выступлений. В своей

Помазание елеем регента о. Амвросия

музыке мы воспевали самые темные стороны жизни реальной и воображаемой: мрачная мистика, одиночество, отчаяние, душевный разлом, самоубийства, смерть — были почти в каждой из наших песен. Жаль, что только сейчас начинаю понимать, насколько опасна для души такая музыка. В моей личной жизни тяжелый рок и наркотики стали одним целым. Когда я прекратил употребление, то мне достаточно было просто послушать такую музыку, чтобы снова сорваться. На приходе по благословению настоятеля пробую свои силы в другой, полностью противоположной музыке — церковной. Получив послушание петь на клиросе, познаю музыку, которая несет душе радость, свет,

жизнь, и слава Богу, что в моей судьбе это произошло. Я хотел бы оставить в себе эту музыку на всю оставшуюся жизнь.

На сегодняшний день я провел здесь еще недолгое время, но уже дерзаю сказать: человек может прожить без многого, но без Бога не прожить никак. Раньше я писал в своих песнях: «нет смысла жить всегда одному». Действительно, одному, без Бога, не имеет смысла жить, но когда ощутишь в душе близость Бога, Его Божественный свет, Его музыку — жить хочется.

* * *

Последнее воспоминание вводит понятие «полного наркоманского набора» — того «набора» болезней, которые входят в жизнь наркомана через некоторое время после начала наркотизации. Не всегда входят, но часто. «Полный наркоманский набор: гепатит В, гепатит С и ВИЧ». Те, кто занимается реабилитацией наркозависимых, неизбежно сталкиваются с необходимостью правильного отношения к этим сопутствующим болезням. Отношение к гепатиту ничем не отличается от верного отношения христианина к болезням вообще, но как верно относиться к больным ВИЧ/СПИДом, в силу известной специфики этой болезни, не сразу можно понять. Приходится об этом размышлять особо. Своими размышлениями об этой болезни настоятель Свято-Георгиевского прихода делился на некоторых семинарах и конференциях, посвященных наркомании и ВИЧ/СПИДу, и мы приводим здесь вступительную часть его доклада по данной теме. Братия Свято-Георгиевского прихода, зная, что заболевание не передается бытовым путем, дала согласие принимать таких ребят. Далее в этой брошюре еще не раз будут возникать упоминания об этой странной болезни, поэтому, думается, самое время начать разговор о ней.

Мысли о ВИЧ / СПИДе и противодействии ему

Игумен Мефодий (Кондратьев)

Впервые о СПИДе мне довелось услышать в 1984 году. Примечательно, что человек, через которого я услышал о новой болезни, был православным священником. По смыслу он сказал мне

Беседа духовников

следующее: «Сейчас в мире появилась новая болезнь. Она поражает иммунную систему человека, и после этого он может умереть от самого пустяшного недуга. Передается эта болезнь таким обра-

зом, что заболевают ею почти исключительно наркоманы, гомосексуалисты, а также проститутки и их клиенты. Бог послал в мир такую болезнь, чтобы замедлить динамику распространения греха среди людей. Одни через страх заразиться удерживаются от этих грехов, тогда как сами распространители духовной заразы избирательно наказываются смертью. Это служит образом того, что от грешников отходит благодать, которая духовно хранит человека — подобно тому, как иммунная система телесно хранит его, — и после ухода благодати человек гибнет. Это очень своевременная и очень значимая болезнь».

Думаю, что большинство православных о СПИДе и по сей день думает приблизительно так же. Только говорить об этом вслух, публично — не принято, потому что некоторые из слушателей тут же могут обвинить человека, выразившего подобный взгляд на болезнь, в жестокости сердца и в клевете на Бога. Но в этом мнении есть правда, хотя нельзя не согласиться, что ему сопутствуют вместе некоторое упрощение и однобокость. Возникает необходимость сказать хотя бы несколько слов в защиту людей, думающих так.

О приписываемой им «жестокости сердца». Если смертельно больному человеку сделают операцию и частично удалят пораженный раком орган, после чего он, становясь инвалидом, получает еще несколько лет жизни, то мы радуемся. Но радуемся, естественно, не тому, что ему укоротили один из его органов, а тому, что он не умрет вскоре, а еще поживет с нами после операции какое-то время. Аналогично и в отношении СПИДа: радость наша не в том, что ушли из жизни некоторые люди, хотя бы и носители греховной заразы, а в том, что вследствие их удаления из тела человечества само это тело духовно оздоровилось. О погибели же данных грешников, действительно, можно только скорбеть.

Об их «клевете на Бога». «Санкционирует» ли Бог уничтожение грешников, возможно ли, допустимо ли думать так, говорить так? Да, допустимо. Если бы было недопустимо, как же тогда понимать слова Писания о всемирном потопе, гибели Содомы и Гоморры, как понимать повеление Израилю истребить нечестивые народы? Вот соответствующие цитаты из Священного Писания: *Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни* (Быт. 6, 17). *И пролил Господь на Содом и Гоморру*

дождем серу и огонь от Господа с неба (Быт. 19, 24). *И поразили Иисус всю землю нагорную и полуденную, и низменные места и землю, лежащую у гор, и всех царей их: никого не оставил, кто уцелел бы, и все дышащее предал закланию, как повелел Господь Бог Израилев* (Нав. 10, 40). Не только для ветхозаветного времени, но навсегда справедливо следующее утверждение Писания: *Очи Господа обращены к праведным и уши Его к молитве их, но лице Господне против делающих зло, чтобы истребить их с земли* (1 Пет. 3, 12).

Но следует, наконец, сказать то же самое мнение о СПИДе точнее. Бог *попустил* явиться этой новой болезни ради вразумления грешников и для пресечения распространения нескольких крайне разрушительных видов греха. Но если Бог попустил возникновение СПИДа ради нашего блага, то не будет ли правильным устраниться от борьбы с этой болезнью? Нет, мы не только можем, но и должны включиться в борьбу с нею.

Вот, что говорит по данному вопросу преподобный авва Дорофей: «Все бывающее бывает или по благоволению Божию, или попустительно, как сказано у Пророка: *Аз Господь Бог, устроивший свет и сотворивший тьму* (Ис. 45, 7). И еще: *или будет зло во граде, еже Господь не сотвори* (Ам. 3, 6). Злом здесь названо всё, что огорчает нас, т. е. всё скорбное, бывающее к наказанию нашему за порочность нашу, как-то: голод, мор, землетрясение, бездождие, болезни, брани — всё сие бывает не по благоволению Божию, но попустительно, когда Бог попускает этому находить на нас для нашей пользы. Но Бог не хочет, чтобы мы сего желали или сему содействовали. Например, как я сказал, бывает попустительная воля Божия на то, чтобы город был разорён, но Бог не хочет, чтобы мы — поелику есть Его воля на разорение города — сами положили огонь и подожгли оный или чтобы мы взяли топоры и стали разрушать его.

Также Бог попускает, чтобы кто-нибудь находился в печали или в болезни, но хотя воля Божия и такова, чтобы он печалился, но Бог не хочет, чтобы и мы опечаливали его или чтобы сказали: так как есть воля Божия на то, чтобы он был болен, то не будем жалеть его. Этого Бог не хочет; не хочет, чтобы мы служили таковой Его воле. Он желает, напротив, видеть нас столь благими, чтобы мы не хотели того, что Он делает попустительно.

Но чего Он хочет? Хочет, чтобы мы желали воли Его благой, бывающей, как я сказал, по благоволению, то есть всего того, что

делается по Его заповеди: чтобы любить друг друга, быть сострадательными, творить милостыню и тому подобное — вот воля Божия благая».

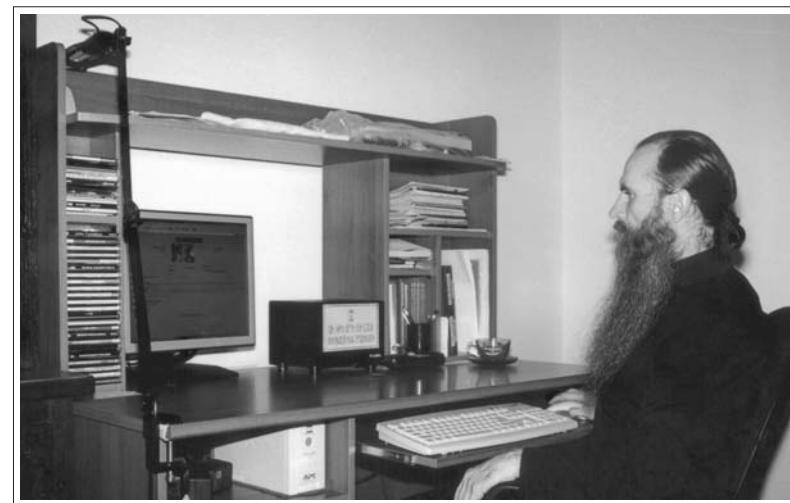
В заключение остается добавить, что ВИЧ заражаются не одни только отчаянные грешники, но среди них немало совсем неповинных в употреблении наркотиков и никогда не предававшихся разврату людей. Этой болезнью болеют и от нее умирают даже во все невинные младенцы. Да и многие из грешников не навсегда погрязают в грехе, но оставляют его и оплакивают. Если в порочный период своей жизни они заразились смертельной болезнью, то как же не бороться за продление их жизни, когда они вступили на путь покаяния? И о погибели даже самых нераскаянных грешников подобает не радоваться, а скорбеть.

Итак, православные по совести могут включиться в активную борьбу с этой смертельной болезнью, и вместе могут искренно благодарить за нее Бога, как и за всякое иное скорбное попущение Божие (голод, мор, землетрясение, бездождие, болезни, брани), данное нам на благо. Будем помнить утешение апостола: *Сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами* (Евр. 12, 5–7).

Письма сотрудникам «Мельницы» из Георгиевского

«Здравствуй, А.!

... В Георгиевском все прекрасно, хоть и идет время Великого поста, но все равно на душе радостно: весна наступает, все как-то просыпается после зимы. Погода у нас сейчас, как в Альпах: на земле снег лежит, а воздух теплый (я, правда, в Альпах не был никогда, но так говорят). Батюшка с братией стараются служить как

Настоятель за компьютером

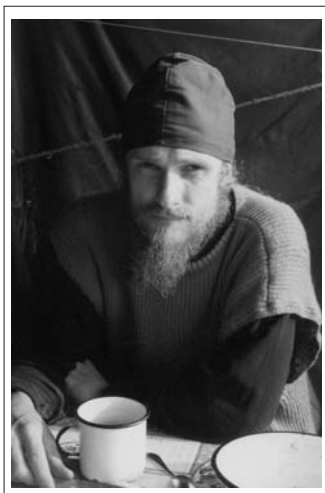
можно чаще, и что хорошо, у остальной братии (я имею в виду всех остальных) тоже есть такая возможность. Видимо, батюшка хочет, чтобы Постом было больше молитвы. На разговоры к ба-

тюшке иду с большим трудом, но в этом, чувствую, виноват сам, во-первых, если идешь, нужно полностью ему довериться (или не идти вовсе), во-вторых, совершенно не умею разговаривать, т.е. вести беседу. И дело не в том, что я ему не доверяю (исповедоваться-то я к нему хожу), тут что-то, с чем я пока еще не разобрался, но надеюсь, что Господь откроет. Из последних новостей это то, что батюшка купил компьютер, так что Георгиевское теперь «компьютеризировано» и перед трапезой теперь говорят о сайтах и файлах, а до начала поста батюшка устроил просмотр мультфильмов, чем очень утешил отцов.

Прошу молитв обо мне грешном. С низким поклоном. Борис».

«Здравствуй, дорогая А.!

По прошествии трех недель моего пребывания здесь, в Георгиевском, я решил написать тебе это коротенькое письмецо. Три недели — это, конечно же, не срок, но впечатление о Георгиевском у меня складывается замечательное. Здесь чудесно. Прямо-таки как в сказке. Очень часто бывает (во всяком случае, у меня), что, отправляясь куда-нибудь, да еще слушая пред этим чьи-либо рассказы о том или ином месте, пытаешься мысленно вообразить его.

*Кто поделится
с о. Амвросием?*

Порой — даже вплоть до мельчайших подробностей. Так, когда я первый раз ехал на “Мельницу”, я представлял ее себе. Но увидел совсем другой. Так было и перед поездкой в Печоры. Но и Печоры “не получились”. А вот Георгиевское я видел во многом именно таким, каким вижу сейчас. Не знаю, как это объяснить, но, может быть, душа моя все время стремилась именно сюда, а там, где был до этого, она просто томилась. И ведь не однажды я говорил тебе о гнетущем меня настроении, о подавленности внутренней, о том, что не нахожу себе места. Ты знаешь, все как рукой сняло. Чувствую себя просто замечательно. Полный покой. Я рад. И состояние души удивительно гармонирует с

состоянием тела. Физически чувствую себя тоже прекрасно. И зачем только люди обращаются к различным психотерапевтам? Надо лечиться здесь. Ем я, наверное, больше всех. Без особого труда просыпаюсь сам в 4:45! Вот. Чувствую прилив сил. И порой создается впечатление, что снова начал расти. В одном из старых детских фильмов, где Евстигнеев играет директора пионерского лагеря, звучала такая фраза: “Мы добры, веселы!” Так это обо мне сказано. Живу в домике с о. Амвросием. Очень мне нравится и домик, и о. Амвросий. Сплю в последнее время на печи. И не потому, что в доме холодно, а потому, что на печи теплее.

Работаю в основном с Олегом. Либо в новом доме, где мы уже положили черновой потолок, либо в мастерской. В общем, без работы не сижу, что мне очень даже нравится. Работать порой приходится на улице, а температура иногда достигает — 26 град. Я похож на полярника. Такого количества снега не видел я, наверное, с детства. Прямо как на севере. Но я настолько утеплен обилием вещей, надетых на меня, что мороз и снег не страшны. Очень хорошие службы. Тихо, спокойно. В прошлое воскресенье первый раз причастился в Георгиевском. Хочу сказать тебе спасибо за то, что я здесь, в этом дивном месте. За то, что сердце мое порой бьется чуть чаще, чем обычно. На этом ставлю точку. До свидания. Илья»

«Христос Воскресе!

А., здравствуй!

...Весна. Ее наступление здесь, в Георгиевском, совпало с праздником Пасхи. Вокруг все журчит, бурлит, течет, капает, поет. Вот, правда, два последних дня непрерывно шел дождик, но зато сегодня наконец-то выглянуло солнце. Стало гораздо теплее. Дождевая вода способствует скорейшему освобождению Волги ото льда. А с отъездом Стаса из Георгиевского была открыта навигация, за что был даже произнесен тост за столом.

Сегодня среда, третий день Светлой седмицы. Время будто бы остановилось. До Пасхи день летел за днем, неделя за неделей, а нынче эти три послепраздничных дня могли бы вместить в себя целую неделю. Как ты знаешь, здесь ежедневно совершается по два Богослужения. Больше всего мне нравится Литургия, особенно ее окончание с Крестным ходом. На нем я шествую впереди всех с фонарем в руках. И даже если на улице моросит дождик, звон колоколов, батюшкино “Христос Воскресе!” и общее “Воис-

тину Воскресе!» создают неповторимое ощущение праздника, радости и торжества. А по вечерам мы с о. Амвросием келейно поем Пасхальные часы.

Пасхальная радость

С пятницы Страстной Седмицы отдыхаю от работы. Выдаются лишь незначительные послушания: помыть посуду, принести воды, растопить печь, приготовить еду животным.

По правде сказать, начинаю скучать. Оказывается, я настолько привык постоянно что-то делать, что отдых становится мне совсем не в радость. И вот уже жду, не дождусь рабочих будней. Я очень полюбил то дело, которым мне приходится здесь заниматься (имею в виду строительство и, в частности, столярные работы). Работы, конечно, еще очень много, но постепенно-постепенно что-то

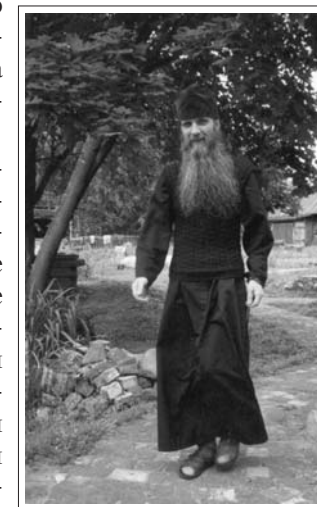

В столярной мастерской

уже вырисовывается. Вот уже постелен черновой потолок в новом доме, сделаны и поставлены наружные оконные рамы, установлена входная дверь. На подходе внутренние рамы и подоконники. Да, я доволен. Доволен тем, что уже что-то могу делать сам, а если и возникают какие-то вопросы, они быстро решаются с помощью батюшки или же Сан Саныча, у которого периодически беру уроки мастерства. Доволен я еще и тем, что, как мне кажется, батюшка доверяет мне. А, по правде сказать, поначалу были у меня искушения с батюшкой. По гордости своей затевал с ним споры относительно подходов к работе, в чем потом раскаивался, убеждаясь в своей неправоте, а затем снова спорил. Но это было в первые две-три недели моего здесь проживания. Сейчас же все наоборот. Стараюсь меньше болтать и больше слушать. Тем более что поучиться у батюшки есть чему. И если подвести черту под абзацем “Наши отношения с о. Мефодием”, то, думаю, можно называть их на данный момент хорошими, добрыми и для меня плодотворными. Так, во всяком случае, кажется мне. И дай Бог, чтобы так и было на самом деле.

Что же касается решения духовных вопросов и вопросов житейских, беспокоящих или интересующих меня, то по мере их созревания стараюсь излагать их батюшке. Не могу сказать, что получается вести беседы “запойми”, но все ответы на задаваемые мною вопросы я получаю. Вообще, батюшка интересный, мудрый, грамотный человек.

В одном из своих писем М. спросила меня, подружился ли я с кем-нибудь из братии. А есть ли в этом необходимость? Между братьями такие чуткие, добрые, предупредительные отношения, что дружба с кем-то отдельно, как мне кажется, может пойти только во вред. Может быть я, конечно, и ошибаюсь. У меня со всеми очень хорошие отношения. В каждом из братьев есть что-то свое, неповторимое. Кто-то весел и безмятежен, кто-то эрудирован и начитан, кто-то

Батюшка

романтичен. И все это — одна семья. И разбивать это единство дружбой с кем-то отдельно, я считаю, было бы неверно.

О. Силуан не оставит в беде

Вот ты спрашиваешь в предыдущем письме по поводу разницы между Георгиевским и домом на Профсоюзной в Печорах. Это день и ночь. Не знаю, как сложилось теперь, но на момент моего пребывания в Печорах, на мой взгляд, братии не хватало единого духовного руководства. Решение множества возникающих вопросов и проблем своим мудрованием приводило в результате лишь к взаимным упрекам и повисшим в воздухе на долгое время обидам. И слово “брат” выполняло лишь функцию слова, не более. Здесь же все наоборот. Малейшая просьба или намек на необходимую помощь никогда не останутся без внимания. И слава Богу, что в принципе чужие люди становятся во много раз ближе, чем некоторые родные и казалось бы ближние...

На этом не прощаюсь, а лишь говорю: “До свидания!” Спаси вас Господи! Христос Воскресе! Илья.»

«Привет всем вам!

Прошло немало времени с моего приезда сюда. И хотя, наверное, рано делать какие-то выводы относительно моего пребывания здесь, но я все же попробую поделиться с вами и рассказать про свое житие-бытие.

Любиоме послушание

Сейчас, как мне кажется, я многое понял. Понял, что жить при монашеском общежитии — это еще не значит жить в нем; что все-таки надо обязательно прилагать хоть малейшие усилия для своего воцерковления, а не то, как говорят на “Мельнице”, можно просто впустую “протусить” все это время. Но ведь определенная цель привела меня сюда, и, признаюсь, иногда приходится напоминать себе об этом.

Сколько предстоит еще сделать для того, чтобы улеглись все те страсти, которые еще совсем недавно так обуревали меня. Получится ли изжить их? Бороться с ними можно и нужно, и с Божией помощью шаг за шагом начинаешь как-то потихоньку продираешься сквозь весь этот мрак к тому лучику света, к которому тянется душа. А она тянется к Богу. И только в Нем наше спасение... Здесь, в монастыре, где тоже, как и везде, бывают свои иску-

шения, чувствую себя защищенным, и в будущем мне бы хотелось самому научиться защищаться от всего того, что готовит нам враг, взяв на вооружение память смертную, любовь к ближним и смирение. В общем, домой я пока не собираюсь.

Всем, всем низкий поклон. Георгий».

Радуюсь всему

«...Говорил, и буду говорить вам огромное спасибо за то, что я попал именно сюда, в тихое благодатное место. Чувствую себя здесь просто великолепно. Конечно же, я радуюсь. Радуюсь всему: тяжелому физическому труду, дождю, морозу, снегу, ветру, скромной еде, усталости, полученной в течение трудового дня. Радуюсь той благодати, которая меня окружает, молитве, весеннему солнышку, общению с умнейшим человеком — с батюшкой, и с остальной братией. Пару строк братьям и сестрам РЦ “Мельничный Ручей”: Парни и девчонки, бросить наркотики оказалось несложно. Главное другое: я избрал для себя другой жизненный путь. И теперь, надеюсь, с Божией помощью пойду по нему, не сворачивая. Прошу ваших молитв. В свою очередь молюсь за вас. Павел.»

«Здравствуйте, горячо любимый сотрудник “Возвращения”.

Огромное Вам спасибо за то, что я оказался здесь, в Георгиевском. Это то, что мне было нужно. Труд, молитва, молитва, труд.

Беседы с отцами. Понимание, смирение, терпение. Но настроение меняется, когда прихожу домой и остаюсь один. В голову лезут не очень хорошие мысли. Конечно, в такие моменты грущу. Находясь на “Мельнице”, многое понял и осознал, но здесь это понимание стало лучше. Здесь начал сильнее и крепче любить людей, уважать сказанное человеком. Проснулось сильное желание помогать людям. За то время, пока я здесь, мной не сказано ни одного матного слова, дело в том, что даже в мыслях про себя не произношу эти слова. Учусь доброму смеху. Отцы, общаясь с тобой после трапезы, бывает, такое выдают, что падаешь со стула от смеха. Очень много тружусь по сравнению с мельничными мерками, но время проходит очень быстро, и вот ты уже в келье, хочешь взять ручку и листок бумаги, написать письмо, но тебя так и тянет на кровать, вот ты лег, вот уже и утро. Еще я научился ценить свободное время и проводить его с пользой для себя. Народу мало, нет городской суеты. Редко зайдет какая-нибудь бабушка поговорить немного и уйдет восвояси. Мне нравится

«Затрапезная» улыбка

Прогулка в санях

такая жизнь, и я готов жить этой жизнью. Не только, пока я здесь, но и в дальнейшем, в мирской жизни. Мельничной братии и сестрам огромный привет и наилучшие пожелания. Вы все мне очень дороги. Всех люблю. Павел.»

«Получил Ваше письмо, уважаемая Е. Е.

Ох, “мамочки мои”, как я рад. Рад, что вы все живы и здоровы, рад, что вы есть и помогаете нам спастись, рад, что ребята выздоравливают, рад, что сегодня холодно, но красиво, снег похрустывает под ногами, солнце играет лучами, рад, что птицы чирикают. “Мамочки мои”, как я рад, что обо мне, НАРКОМАНЕ, впервые в жизни кто-то не забыл, кроме родных. О, как же хорошо, Господи! Что я жив и что я ТРЕЗВ, что впервые получаю радость и “приход”⁶ от заботы других людей... от свежего воздуха, просто от слов добрых. У меня все хорошо: работаю, хожу на службу по возможности (послушание особое в трапезной), читаю Достоевского, поминую вас всех постоянно на каждой литургии. Искренне Ваш Владимир.»

⁶ *Состояние эйфории как после приема наркотика.*

Интервью с пациентами, живущими на приходе

Денис

Как ты жил в городе?

Пришел из армии, устроился на работу. До армии курил анашу. Началось лет в пятнадцать, с восьмого класса. В первом классе разделили на два класса, попал в класс детей, которые особых надежд не подавали. Класс был гопников. Поведение в основном — неуд. Школа от нас стонала. В восьмом классе попал в районную тусовку. Перестал ходить в школу. За год посещения школы — 72 часа. Не допустили до экзаменов, хотели оставить на второй год. Ушел из школы, пошел в ПТУ. Там выдали аттестат восьмого класса. Перестал ночевать дома. Ночевал на квартирах друзей, оборудовали подвал. Первый раз попробовал выпить. Я маму предупреждал, когда ночевать не приду, говорил, что ночую у друзей. В шестнадцать лет пошел работать плотником. Группа в ПТУ такая же была, как и класс. Расформировали за драки. Очень многие из этой тусовки сидят сейчас, из тюрем не вылезают. А мне какая-то сила помогала, так что я не сел до восемнадцати лет.

Какая сила помогала?

Моя бабушка была верующая. Ей было девяносто лет. Ездил за мной в школу и ждала маминого прихода до семи вечера. У нас была Библия на немецком, и по картинкам она рассказывала библейскую историю. Сейчас постоянно молюсь за бабушку. Но в то время я думал, что мне просто везет.

Откуда брал деньги на наркотики?

Разгружали арбузы. У мамы брали. Мама пыталась как-то остановить, выпороть, но я ремень выхватил и не дался. Промышляли разбоем. Участвовал в драках “район на район”. В грабеже участвовал один раз. У магазина “Электроника”, шел маменькин сыночек, отняли пять копеек. Он заплакал. До сих пор помню. Позже, когда работал, в основном с заработанных денег, но и воровал тоже. Торговал книгами. Один раз был грабеж. Был “на кума-рах”⁷ — не было денег. Стоял в сберкассе и смотрел, как люди снимают деньги. Подошла женщина, вся в золоте, и снимала проценты с вклада — три с половиной тысячи, и меня взяла злость. Я подошел к стойке и взял деньги. Сам от себя такого не ожидал. Воровать иногда приходилось. Со стройки брал что-нибудь продать, у барыг воровал деньги или героин. Давал им деньги, смотрел, куда кладут, и обратно подрезал⁸. У мамы из дома брал деньги и вещи. Сначала продал свои, потом и мамины. В бригаде не воровал, хотя знал, где лежат деньги.

Что изменилось после 18 лет?

Когда пришел из армии, началась нормальная жизнь, но мне она казалась рутинной. По вечерам встречался с друзьями, девчонками. Просто гуляли, пили пиво, разговаривали, ходили в кино, на дискотеку. Но мне это быстро надоело, это казалось рутинной. Не мог жить так однообразно. Вернулся в старую компанию, доармейскую. Там — кто воровал, кто работал. Они в это время уже употребляли наркотики. Тогда я начал употреблять джеф два-три раза в неделю. Героина еще не было. Под джефом человек становится добрым и готов делать добро другому: тебе хорошо, и хочется, чтобы другому было хорошо, — а джеф считается постельным наркотиком, и когда берешь, то заранее договариваешься с девчонками, которые употребляют джеф. Это совсем другие ощущения: в 1000 раз сильнее. На душевные чувства не рассчитываешь. Идет удовлетворение плоти. Бывает, что люди скидываются, и бывает, что три девчонки — два парня, бывало и другое количество. На улице если встретишься — никаких отношений потом нет.

⁷ Состояние абстинентного синдрома с комплексом вегето-сосудистых расстройств.

⁸ Воровал.

Нас связывал только наркотик. Даже не хотелось никаких серьезных отношений с этими девчонками. Они были слишком доступны, зачем нужна девчонка, которая за ночь имеет трех-четырёх человек? Если бы испытывал какие-нибудь чувства к человеку, никогда не позволил бы себе такого отношения к нему. Через год я понял, что меня засасывает, и сам бросил. Тяжело это далось. Прорыскался нервный, потому что снится употребление, гонишь по вене⁹, а «прихода» нет. Но как-то пересилил себя. Поменял работу, потому что понял, что не могу на однообразной работе, мне нужны перемены. Устроился на стройку, чтобы ездить в командировки по союзу. Меня устраивало ездить, но через два-три месяца командировки начинал скучать без Питера. Знакомый заплатил за обучение, и я получил водительские права. Работал на грузовой машине, себе купил москвич. Я был первый в районе с машиной. Мне нравилась дорога, нравилось водить. Когда стали мало платить водителям, вернулся на стройку, потому что привык к деньгам. А на стройке зарплата была намного выше, чем у водителя. В 24 года познакомился с будущей женой.

Каким образом в твою жизнь снова вошли наркотики?

В Москве на стройке получал очень хорошие деньги и попробовал героин: по глупости и от большого количества денег. В этот период я женился, вспомнил джеф и решил, что в любой момент смогу бросить, что с героином мне легко будет расстаться. Но настал момент, когда я почувствовал, что попадаю в зависимость. В Москве потерял крестик. Крестился за компанию в 16 лет и носил крестик как украшение. Когда потерял его, у меня пошла неудача за неудачей. Решил бросить наркотики, но через два дня попал в больницу с гепатитом. В больнице было очень скучно, там я познакомился с Мишей, он привозил в больницу героин. И я решил, что, пока лежу, буду употреблять, а перед выпиской меня заломало. Я удивился, думал, что заболел. Но ребята в палате сказали, что это скорее кумары. Месяц с печенью находился дома и раз в неделю употреблял — не мог отказаться. Выйдя на работу, прервал употребление. Вскоре в бригаду пришел монтажник, который употреблял героин. Постепенно и меня засосало. Даже перестала возникать мысль о том, что можно бро-

⁹ Делать внутривенную инъекцию.

силь. Мысли повернуты в одну сторону: где найти денег и где найти товар,¹⁰ — так в течение двух лет. Ушла жена с ребенком. Вынес из квартиры и продал все, что заработал. Машину, видеокамеру, стенку. После ухода жены понял, что нужно что-то менять. Попал в ГНД¹¹. Там познакомился с психологом, ходил к нему на группу и год был в ремиссии. Потерял страх перед срывом, через год вернулась самоуверенность, что я победил — расслабился, зарплата была хорошая. Вернул отношения с женой, у меня все было хорошо. Сорвался с другом из района. Решил ему помочь, устроить к себе на работу. Саша стал приходить уторченный¹², но я держался. А потом был праздник, и мы выпили на работе. И по пьяни я решил, что если один раз себе позволю, то ничего не будет. Мы поехали к барыге¹³, и я опять убедился, что одного раза не бывает. Сразу испортились отношения с женой. На работе два года меня терпели, за меня боролись. В итоге лег в больницу с воспалением легких, и бригадир меня уволил. Лег в ГНД, потому что дома сам не мог переломаться, там узнал про «Мельницу» и поехал туда.

Как на тебя повлияла паломническая поездка в Псково-Печерский монастырь?

Когда съездил в Печоры, пересмотрел очень многое. Изменил взгляд на свой образ жизни. Глаза открылись. Наркоманское времяпрепровождение, тусовка в курилке мне стали неинтересны.

Почему ты решил уехать на приход?

В городе опять появилась уверенность, что не вернусь к наркотикам, но поход в храм постоянно откладывался, вместо этого ходил в бильярд или в кабак. И настрой, полученный в Печорах, выветрился. Постепенно, незаметно опять вошли в жизнь наркотика. Был полностью раздавлен. Даже пропала надежда, что смогу что-то изменить в своей жизни. И когда сотрудник «Мельницы» предложил мне поехать на приход, очень обрадовался.

Что ты обрел благодаря пребыванию в Георгиевском?

Самоуверенность пропала, понял, что сам я один не смогу. Моя уверенность в себе может привести только к смерти.

¹⁰ См. прим. 4.

¹¹ Городской наркологический диспансер.

¹² В состоянии наркотического опьянения.

¹³ Продавец наркотиков.

Приобрел не самоуверенность, как раньше, а веру. Узнал Бога. Я понимаю, что без Его помощи мне не изменить образ жизни. Наркотик — это второстепенное, главное — образ жизни. Не было бы наркотика, было бы что-то другое. Если я изменю свое поведение, отношение к жизни, то тогда в этой жизни наркотику не будет места. Многие наркоманы хотят просто бросить торчать, но они ошибаются, потому что на место наркотика придет что-нибудь другое, еще хуже. Пытаюсь понять, как жить по-другому. Тяжело перестроиться. Но если этого не сделать, то в лучшем случае это будет опять возвращение к наркотикам.

Как ты воспринимаешь это место?

Ощущаю его как второй дом, но это совсем недавно, недели две. Потому что если у меня что-то получится, то Георгиевское будет как колыбель моей новой жизни. Здесь нормальные человеческие отношения, в городе очень редко встретишь, когда человек на самом деле интересуется, как у тебя дела. В городе это только слова, каждый на самом деле занят только собой. Здесь жизнь прохо-

Хотелось бы утешить братию рыбой

дит размеренно. В прошлом месяце я опять сошел с рельс, забыл, зачем приехал: после послушания — костры, катание на лодке,

прогулки, нарушение правил, болтовня с противоположным полом — то, что запрещено по уставу. Когда батюшка дал «по шапке», то я осознал, что приехал не для этого, и благодарен, что вовремя дали. За последние две недели я узнал больше, чем за прошлый месяц. Ощутил, для чего я здесь. Зачатки были заложены раньше, но изменения произошли только сейчас.

Думал ли ты о смысле жизни?

Задумывался над этим, но считал, что на этот вопрос нет ответа. Во время наркотизации такой вопрос даже не приходит в голову. Сейчас есть другие вопросы, это слишком глобально, еще рано об этом задумываться. Сейчас меня волнует, как вернуться к нормальной жизни. Сейчас считаю мою прошлую жизнь ненормальной, паразитической: добывание денег и получение удовольствия. Вся жизнь для удовлетворения своих желаний. Посмотрел здесь на людей — и понял, что можно и нужно жить другой жизнью — духовной. Главный вопрос сейчас — как мне измениться.

Какие открытия ты сделал для себя?

Самое большое открытие, что есть другой мир — духовный, другие интересы, другой круг общения. Раньше это было далеко и

На горнем месте

нереально. Мне казалось, что это полумиф. Я чувствовал свое превосходство пред такими людьми, а теперь понял, насколько они превосходят меня. Мне это тяжело далось: изменение стереотипов. Как бы старый фундамент разрушен, а новый не построен, как белый лист. Теперь надо стараться не замарать его, написать что-нибудь хорошее.

Какие проблемы возникают в твоей жизни здесь?

Это борьба с собой. Все равно скучаешь по Питеру. Тянут не друзья и мама, а сам город. Бродить по Питеру. Пройтись по Неве. Я люблю Питер. Женщин не хватает. Каждый день бывает что-нибудь — сигареты, например. Никто не следит, и есть искушение курить больше. По мелочам каждый день в чем-то борешься с собой. Уныние тоже бывает проблемой. Кажется, что зря теряю время, что занимаю чужое место, что мне себя не изменить. С этим тоже надо бороться. Проблема отношений. На некоторые вещи у нас с монашествующей братией очень разные взгляды, то, что я считаю нормальным, что в городе считается нормальным, здесь не принято. Часто бывает, что подумаю и соглашусь, что монашеский взгляд вернее. Но иногда что-то делаешь, а тебя не одобряют, и не понимаешь, что ставят тебе в укор. Тогда спрашиваю у братии, но чаще все же сам понимаю, что это мой «косяк»¹⁴.

Борьба с сорняками

В чем разница между твоей реабилитацией на «Мельнице» и теперешней на приходе?

«Мельница» — это вектор. Закладываются начатки. Там проходит отрыв от наркотиков. Переломный момент происходит за эти три месяца, но этого мало. Там только показывают направле-

¹⁴ В данном случае ошибка, неправильный поступок.

ние, а приход может дать силы, потому что полностью осознаешь все только на приходе. Разные функции у «Мельницы» и прихода.

Что бы ты оставил и что изменил в своей жизни?

Сейчас мне кажется, что мне не стать, как монахи, — значит, надо возвращаться в мир. Наркотики не убили во мне чувства. Все равно есть сострадание, грусть, радость. Вернуть отношения с женой. Оставить пару друзей, которые от меня не отвернулись, меня не бросили, и я очень им благодарен, они во многом мне помогли. Отношение к духовному миру надо менять. Все время я был неверующий, вернее, как все, т.е. считал, что есть какая-то сила. Теперь для меня духовный мир — это ходить в храм, стараться соблюдать заповеди, хотя бы как можно меньше грешить. Хотя понимаю, что не могу что-то не нарушать. Нужно взять какую-то ношу, которую смогу понести, и постепенно брать все больше и больше. Не смогу все сразу: не пить, не курить, не общаться с женщинами. Надо начать с малого и постепенно себя загружать. Поменяется круг знакомых, образ жизни, и из этого все вытекает. Сейчас я не готов. Мне нужен внутренний стержень. Пока его нет, но я надеюсь и работаю над тем, чтобы он появился, поэтому здесь и нахожусь.

Николай

Как ты жил в городе?

Все было, хотелось еще чего-нибудь. Были друзья, любовь. Мне было двадцать лет, ей восемнадцать. Пришел на дискотеку с одной девочкой, ушел с другой. С дискотеки приехали домой. С первой же встречи начались интимные отношения. Родители знали, что у нас отношения с Катей, и когда нужны были деньги на аборт, папа сразу дал. Она училась в институте. И мне и ей нравилось ходить на дискотеки. Я мог выпить маленько пива и танцевать до утра. Вместе ходили на дни рождения, дискотеки. Она со мной пила пиво и танцевала. Литературой я не интересовался. Прочел три книжки: «Американскую трагедию», фантастику, «Ночной дозор». Кончил 11 классов. Отметки — тройки, четверки. Поступил в железнодорожный техникум при помощи папы. Папа договорился, я бы сам русский и математику не сдал. Прогуливал, ушел со второго курса. Потом связался с наркоманом, ходил гулять по городу. Лишь бы не быть дома. Пошататься где-ни-

будь. Чтобы сделать «академку», лег в больницу, чтобы была справка. Потом вернулся в техникум. Закончил второй курс.

Каким образом в твою жизнь вошли наркотики?

Перевозил наркотики в 1997 году — это был шанс подняться. Пришел к другу, алкоголику, т.к. хотел выпить, он предложил подработать. Дал чек, я продал в техникуме (героин был очень хорошего качества). Потом повез грамм в поселок Красная Звезда. Я отдавал героин на реализацию и забирал деньги. Меня подставили — не отдали деньги. Месяц скрывался, потом взял деньги у мамы. Меня уже стали искать из бандитской группировки, и родители отдали деньги. Тогда они предложили другую работу, но я уже не стал связываться. Тогда еще героин не пробовал. Спустя четыре месяца после встречи с Катей появились наркотики, в 2000 году второго февраля. Меня угостил парень. Я поддержал ему вуну в парадной, в перерыве между занятиями в техникуме. Потом сам попробовал в марте, понравилось. Потом Катин аборт, скандал. Ее мама стала меня ненавидеть. Четырнадцатого мая я ее ждал два часа, но мы уже много ругались, и она сказала, что нам пора расстаться. Мы напоследок пошли в кафе. И там договорились встречаться, чтобы никто не знал, я на радости напился. Когда она уехала, я пошел в метро «Новочеркасская» и увидел наркоманов. Подошел, попросил героина. Я их обоих не знал. Прямо в парадной употребили. Для меня дозы было много, и я упал в песок, там, где строилась трамвайная линия. Подъехал милицейский козелок, меня забрали в отделение, но отпустили. С барыгой познакомился на улице, взял его телефон. Кате я сказал, что употребляю. Она заставила меня рассказать об этом родителям.

На наркотики нужны деньги. Как ты их доставал?

С деньгами проблем не было. Деньги были в тумбочке или в баре. Я брал без задней мысли. Поначалу видел стопку денег, и считал что три-четыре бумажки не повлияют никак, а родители не замечали. Когда заметили, был скандал.

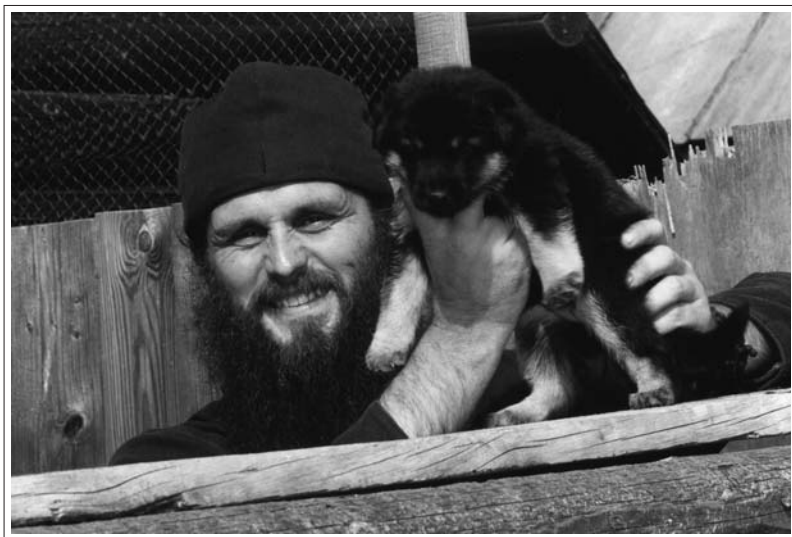
Ты уже был однажды на другом приходе, но не вполне удачно, почему?

На первый приход я приехал, потому что на меня давили родственники. На приход мне приходили письма от родителей и де-

вушки. Поздравляли меня с праздниками. Поэтому сердцем был в городе. Исповедовался разным батюшкам. Мне казалось потом, что меня там зомбировали. Я был ошарашен, когда после прихода приехал в город и увидел, что там творится, тяжело переживал чей-нибудь малейший грех, часто впадал в осуждение. Сейчас о городе думаю очень редко. Город не греет. Страшно думать о городе.

После срыва ты уехал в Георгиевское. Как ты воспринимаешь это место?

С положительной стороны. Здесь все очень добро. Тут есть все, что нужно человеку. Это рыбалка, это пчелы, жизнь на воздухе, лодка, вода, собаки. Здесь я чувствую себя более свободным. Это надо ценить. Все как-то для души. Бог насильно ни к чему не приводит. Учусь делать выбор, ценить свободу. Стал на какие-то вещи смотреть проще. Больше всего меня искушает работа. Стараюсь смириться с тем, что люди по-разному относятся к работе. Неважно, что подумают обо мне или скажут. Стараюсь, чтобы для меня это стало неважным. Понимаю теперь, что послушание — это не работа, а отсечение воли. Бывает, делаешь с удовольствием, бы-

«Как прекрасен этот мир, посмотри»

вает «через не хочу». «Любишь медок, люби и холодок». Мед достается очень болезненно, оказывается. Стал более спокойным, это, наверное, потому что батюшка молится.

Думал ли ты о смысле жизни?

Вопроса, зачем я живу, не задавал. Но здесь понял, что смысл жизни — как можно меньше согрешать и спастись. Надо верить, что Бог все видит и не оставит.

Какие открытия ты сделал для себя?

Тишина — это хорошо. Понял это здесь. Надо ценить тишину, безмолвие. Здесь это почувствовал. Ранее тишина вызывала беспокойство, это было подозрительно.

Понял, как можно смиряться перед людьми, но с некоторыми я еще не смирился, терплю, по сути говоря. Пытаюсь как-то вникнуть в евангельские слова «любить того, кто тебя ненавидит». Стал замечать, что лишнее слово может разжечь в другом огонь, стараюсь тормозить. Мне стало что-то открываться, какой-то смысл. Вот я видел раньше фильм и не так глубоко понимал. Жизнь здесь научила больше понимать и стараться терпеть людей. Стал сочувствовать тому, что некоторые еще не понимают и не хотят понимать того, что я уже понял. Здесь начал молиться.

Знаю, что я не один. Что Бог есть и Он со мной в любой ситуации. Раньше с такой силой этого не чувствовал. По-моему, продвигаюсь к Богу ближе. Отношение к ВИЧ стало более спокойным. Бывает, забываю про то, что инфицирован, бывает и нахлынет, что осталось совсем немного... Но теперь стало спокойнее, раз так, значит так и надо. За все надо благодарить Бога.

Какие проблемы возникают в твоей жизни здесь?

Для меня большая проблема — причастие. Хочу очень серьезно подготовиться к причастию. У меня появился страх, что надо за все отвечать. Страх перед срывом. Мне даже сны снятся. Они на

Тихий вечер

меня давят, эти сны. Очень боюсь срыва, потому что у меня другого шанса не будет. Бывает искушение, хочется покричать матерные слова, но надо держаться, это не нужно. Даже когда пчелы покусали — ничего не сказал.

В чем разница между твоей первой реабилитацией на приходе и теперешней?

В этот раз я сам хотел поехать на приход. Четко решил на «Мельнице», что никакого города не нужно. Думаю о том, что надо уезжать из города навсегда. Мне предлагают отцы оставаться.

Приходской пасечник

Я многое сохранил бы из своей прошлой жизни, но только с другой стороны подходил. Разумно бы пользовался деньгами. Тратил бы на проживание, маме отдавал, на что-нибудь копил. Очень хочу игровую приставку. Хотел бы другой диван, потому что на старом творилась ерунда: блуд, наркотики. Поменял бы отношение к миру, людям, родителям. К ним надо относиться трепетно теперь. Надо вернуть отношение родителей к себе, потому что они относились ко мне, когда употреблял наркотики, как к животному, надо — чтобы опять как к человеку. Хотелось бы с отцом быть. Очень хочется восстановить с ним отношения. Надо многое в корне менять: отношение к родственникам, отсечь дружков, меньше вспоминать наркотики, не искать большие деньги. Понимать, что материальное — это иллюзия. Иллюзия, что деньги — это все. Чем больше имеешь, тем больше проблем, нервов.

Что тебе мешает остаться здесь навсегда?

Я человек мирской. Мне хочется послушать музыку. Иногда, с одной стороны, думаю о невесте, с другой — понимаю: какая мне невеста. Хочется суеты, больше народу, нравится смотреть на других, когда на меня смотрят. Но с самим собой поднимаю вопрос о том, чтобы остаться навсегда.

Что бы ты оставил и что изменил в своей жизни?

Я многое сохранил бы из своей прошлой жизни, но только с другой стороны подходил. Разумно бы пользовался деньгами. Тратил бы на про-

Что ты обрел благодаря пребыванию в Георгиевском?

Я обрел духовного отца, вернее, хотел бы, что бы батюшка был моим духовником. Это лучше, когда один человек знает все проблемы. Есть вопрос — беги сразу спрашивай. Понял, что не надо к людям зло таить. Нам не дано знать, что каждый думает о другом. Бросить наркотики еще не достаточно, потому что там будет Суд. И без разницы: курил, наркотики, пил, блудил. Надо стараться

С духовником в саду

жить более или менее правильно, потому что жизнь короткая и тонкая. Нужно исправиться за тот срок, что проживешь, это по силам. Потому что не по силам Бог не дает. Самое главное, что я первый раз так долго трезвый. Наркотики для меня были жизнью, и без них был как без воздуха (уколоться нужно было, чтобы просто существовать). Постепенно стал здесь отрезвляться и понимать, что очень хорошо без них. Для меня Георгиевское — это тыл, школа, даже ясли. Чтобы научиться ходить. Научился бороться с помыслом о наркотике молитвой. Читаю Евангелие. Надо постараться усвоить здесь как можно больше. Набраться столько, чтобы смочь справиться в городе с наваждениями, потому что город отнимет столько, сколько ему надо. Надо набраться благодати

на борьбу с искушениями. А когда она закончится, опять приехать за помощью. Потому что без Бога никак.

Рассказ Леонида о себе

В детстве я жил с мамой и немного помню родного отца, который сильно выпивал. Помню пьяные дебоши, скандалы, помню, как он хулиганил, выносил вещи, продавал, приходил домой в трусах. Раз он продал обручальное кольцо, а свалил на меня, сказал, что я выкинул его в окно. Мне тогда было года 3-4. Родители развелись, когда мне было 6 лет. Мама вышла замуж за отчима. Он был внимательный, с ним складывались хорошие отношения. Помню, что я был избалованный, вокруг были любящие люди, бабушки. А я врал, жаловался маме на отчима, был ябедой. Маму к отчиму не ревновал, поскольку был с детства окружен заботой. Меня все любили: ко мне хорошо относились в компаниях, в пионерском лагере, потом в тюрьме. Вспоминаю пионерлагерь. Когда мама меня раньше окончания смены забирала, то вожатые чуть не со слезами просили ее оставить меня. У меня само как-то так получалось, что ко мне все хорошо относились.

Когда я стал наркоманом, мне стало важно не то, что люди ко мне чувствовали, а что они могли мне дать. Когда мне было плохо и я из-за плохого самочувствия не мог ничего отнять силой, то ловил на дороге машину, предлагал автомобилистам набор ключей или магнитофон за минимальные деньги, играл на человеческой алчности. При этом рассказывал, что я наркоман, и людей подкупала моя фальшивая искренность, когда я врал, что только что освободился и поэтому приходится воровать. Предлагая выкупить украденный мною магнитофон, говорил: «Дайте 300 рублей, чтобы я его выкупил у цыган, так как вчера не мог ночью нести его в скупку, а я вам отдам за 500, потому что 200 мне нужно». Практически, если человек вписывался со мной ехать, то всегда его убалтывал.

Я чувствовал людей и почти ничего не придумывал, а как бы играючи мог уговорить человека делать то, что мне надо. Еще я разыгрывал героя чеченской войны. Для многих водителей машина важнее жены, поэтому их, как правило, не волновало, что наркоман это украл, им было важно купить для машины набор ключей или все что угодно, от автомобильного цифровика до кожаных плащей. Поскольку я интересовался одеждой и техникой, то знал,

что человека может заинтересовать. Как только видел человека, сразу понимал, что можно ему предложить. Когда «сделаешь» какую-то тему: разбой либо мошенничество, чувствуешь себя как на крыльях, и это очень подогревает, особенно если происходило на глазах других наркоманов. Под эфедрином я мог предсказать, что случится в ближайшее время, и как-то сказал, что сейчас найду золото, и действительно тут же поискал и нашел на земле часы «Гучи». Соприкасаешься с мистикой, но в наркотиках не придаешь этому значения. До наркомании я занимался спортом, потому с гордостью, самоуверенностью занимал в компании лидирующее место.

Тогда модно было быть бандитом, крутым, и меня снесло. Пусть у меня даже нет таких денег, но я «пацан», а они — «мужики», которые при мне рта открыть не смели. И отчаянно, дерзко, жестоко воровали и грабили. Когда я маленький дрался, было трудно ударить человека в лицо, а потом, наоборот, сразу бил по лицу. Прошел страх, почувствовал в себе силы, под эфедрином совсем голову сорвало, и люди, которые меня узнавали на фотографии, говорили ее владельцу: «Увидишь “белобрысого”, беги». А я даже специально так представлялся: «Ленька белобрысый». Если меня видели у наркоманской точки, то даже близко не подходили, знали, что могу что-нибудь отнять. Меня милиция из дому вытаскивала, по почерку узнавали: ножом людей резал, цепью забивал, дубиной бил. Меня однажды милиция из дому забрала в тапочках, потому что кто-то убил милиционера, хотя я тогда уже 2 месяца из дома не выходил, сидел со сломанной челюстью. При этом у убитого пропало удостоверение, а почерк был мой — «безголовый»; это случилось в районе, где эфедриновая точка. Милиции подсказали, что так мог сделать только «белобрысый». Я думал, что они меня с таким же другом, как я, по кличке «флюгер», в лесу сразу убьют, в снегу, 1 декабря. Нас били ногами, но все же не убили — забрали в отделение. Мы с «флюгером» там уже «поплакали», в милиции не погеройствуешь.

Если я увижу человека в маске, врывающегося в квартиру, то просто лягу на пол, потому что знаю эту психологию, когда даже женщин били и резали. Как правило, женщины больше мешают, суются, не верят, что в них могут выстрелить. В такой ситуации обычно режут показательно, чтобы кровь была видимая, чтобы на

психику подействовало. А в милиции наоборот: демонстрируешь, что ты приземленный, у «героев» в милиции быстро здоровье отнимают, поэтому там все ведут себя тихо и всячески это демонстрируют.

Всерьез начал бросать наркотики, когда мне дважды подряд сломали челюсть, и мама опять взяла меня домой, хотя до этого выгнала на улицу. Я лежал дома месяца четыре и жил как растение: спал, курил, ел, смотрел телевизор, лежал на кровати. Приходила мама, приносила пиво, чтобы ночью спал. Мне не интересна была даже девушка, с которой тогда жил. У меня никаких чувств не было к ней, только секс.

Я ни о чем не думал, не ходил на улицу, у меня был страх перед выходом на улицу, потому что чего я только не наделал, кого только не кинул: всех. Каждая встреча со знакомой милицией заканчивалась в отделении, каждый раз меня там били. Я даже согласился на них работать. Договорился со знакомым опером, что буду его информировать, но просто его парил, кидал на деньги. В какой-то момент увидел в нем жертву и давил на него, и он давал мне деньги, даже просто так, без информации. Он просто не мог сопротивляться, а я нес чушь и требовал деньги. Он сначала отказывался, а потом все равно давал. В итоге я все же написал расписку, что верну ему деньги. Это потому, что другим наркоманам рассказал, что развожу его как лоха. Те ему, конечно, сообщили. Если мне надо было, я мог любого обмануть, предать, никаких нравственных представлений для меня не существовало. Если так не давали, то я с другом всегда был готов забрать деньги силой. И ни перед чем не останавливался. И то, что со мной было потом, называется бесчувственным окаменением.

Когда еще пребывал в этом болезненном состоянии, мне домой позвонили с «Мельницы», где я прежде пытался реабилитироваться. Встретился с сотрудником «Мельницы» в храме. Мы присели вдвоем на подоконнике, и я попросил, чтобы меня снова приняли на реабилитацию, хотя сначала не верил, что возьмут, но потом что-то переключилось в голове, и тогда поверил, что возвращение возможно, и захотел этого. Перед поступлением на «Мельницу» уже знал, что у меня ВИЧ, но была такая апатия, что меня это мало волновало. Когда сдал анализ и впервые получил положительный ответ, то взял с другом пива, выпил на скамеечке и посмеялся. В тот же день поехал за эфедрином, мне было тогда

все равно: эфедрин, героин, алкоголь — все это потреблял в том количестве, в котором доставал.

Поначалу на «Мельнице» я бахвалился тем, что живу с ВИЧ, относился к этому показно шутейно, но уже скорее от страха. А когда влюбился в девушку, то начал понимать, что жизнь упущена, что дети, семья для меня невозможны. Тогда впервые всерьез задумался об этом. Потом обманул значимого для меня сотрудника «Мельницы», и это помогло мне увидеть ложь, осознать ее как зло, потому что из-за нее, из-за этой лжи, произошел конфликт. Я начал пересматривать свое отношение к людям и к себе, увидел свою лживую наркоманскую натуру, потому что, даже не употребляя наркотики, все еще оставался по сути своей наркоманом.

Помню, как трудно было готовиться к первому причастию, был прямо зол на Симеона Нового Богослова за длинную молитву, потому что очень тяжело далось чтение правила. Но после первого причастия начал регулярно исповедоваться и причащаться. Меня тянула блудная страсть к упомянутой девушке, но то, что у меня ВИЧ, было сдерживающим фактором, и это меня остановило от блуда с ней. Я знал, что это возможно где-нибудь потихоньку в мастерской реабилитационного центра, но понял, что потом человеческие отношения невозможны. Когда она уехала из центра,

Благодарственные молитвы

мне стало легче, стал читать церковные книги, разговаривать с сотрудниками. Начал жить внутренней жизнью и выходить из «тусовки». Появилась уверенность, что поможет Господь. Сначала слышал эти слова от сотрудников, потом и сам поверил. Стал иначе относиться к службе в храме, ни одну не пропускал, активно интересовался духовной жизнью. Хотя прежний «Ленька белобрысый» был еще жив во мне.

После «Мельницы» я уехал на приход, и там мне открылось ощущение греха, я осознал, что наркотики — грех, и целый шлейф греха тянется вместе с ними. И только тогда понял, что и в этой жизни, и в будущей я обречен на страдания, если пребуду в этом грехе. Ничто другое не остановит человека: ни смерть, ни проблемы с родителями, ни проблемы с женщинами. Я считаю, что во время реабилитации жесткость, строгость нужны. Благодаря этой строгости, упорядоченности приходишь в другую для тебя жизнь и можешь раскрыться в ней.

В то время я пленился монашеством, но теперь думаю, что это было скорее от гордости, чтобы кому-то что-то доказать. Я поехал в город с прихода, чтобы сдать иммунограмму, и хотя не чувствовал себя плохо, цифры оказались очень низкими. Для меня в этом была скорбь. Постепенно я начал себя чувствовать хуже, и уже не мог мало спать, мне требовалось хотя бы немного, но часто что-то пожевать, иначе темнело в глазах, ноги становились ватными. Строгость жизни на приходе: трапеза только в разрешенное время, малое количество сна — мне были важны и нужны, когда я только начинал воцерковляться. Строгая иерархия, уважение к старшим и дисциплина меня подтянули, ведь наркоман — существо расслабленное, он — лжец, лентяй. Для таких повесить рубашку в шкаф, убрать за собой — это понуждение себя, это начало порядка в жизни. Поэтому, когда я сдал иммунку, то приуныл, поскольку понял, что не смогу принять монашество, что мне не понести, и на меня сошла печаль. Не ропот, не недовольство, а просто тоска. Осознал необходимость лечения, а иначе, как мне объяснили специалисты, может произойти непоправимый обвал в здоровье. Я доверился советам врачей, батюшка меня благословил на лечение. После детального обследования мне не разрешили принимать АРВ-терапию¹⁵, так как у меня была не в порядке печень. Исключил из рациона продукты, вредные для печени, от алкоголя отказался немного раньше. Хотя алкоголь разрешен цер-

ковью, но у меня был в городе срыв на алкоголь, когда выпил немного, а затем не мог остановиться и выпил больше, так что уже не контролировал, что в таком опьянении делал. Утром у меня в кармане оказались наркотики, откуда я их взял — для меня тайна. Но очень испугался, что что-то натворил, начал унывать, осознал, что это возобновление действия греха во мне, и понял, почему люди доходят наконец до самоубийства: потому что их душа не может нести тяжести переживаний греха. Я попросил благословения не выпивать вовсе, потому что для меня даже одна рюмка могла стать причиной падения. В первую очередь поэтому я оставил алкоголь, а не из соображений здоровья. Когда начал жить церковной жизнью, но еще выпивал, тогда, при выходе на улицу меня беспокоили помыслы: «может, пива или джин-тоника выпить», но молитвами батюшки впоследствии эта несвобода прошла. Если какое-то время живешь в трезвости, становится легко. В конце концов эта тема отпустила.

На сегодня мне важно определиться, как мне дальше жить с ВИЧ. Понятно, что с Богом, но очень беспокоит вопрос — могу ли я жениться, поскольку, с одной стороны, я инфицированный, с другой стороны — сам не чувствую, что могу быть семьянином: все же я — большой эгоист. А что касается ограничений диагноза ВИЧ, то я не мыслю себе отношений с девушками не ВИЧ-положительными. Даже мысль такую гоню. Но на каждую ВИЧ-положительную девушку «примеряю» платье невесты, и в первую очередь это животная страсть, а потом уже желание личностных отношений, которых очень не хватает. Пока же семейные отношения для меня проблема.

Живу с мамой, она одинока, и я одинок, но все равно сильно раздражаюсь на маму, потому что нужен близкий человек другого рода — жена. Реально я не несу воздержания: нет мира во мне, трачу много душевных сил на свои борения. Согласен с тем, что интимные отношения не главное, но они для меня значимы.

Апостол Павел говорит, что если не можете понести, то лучше женитесь, а я терплю с трудом, с ропотом, хотя и добровольно. Дома часто происходит не то, что я хочу: мама создает условия замечательные, но мне нужно другое. Может, поэтому и раздражаюсь.

¹⁵ Антиретровирусная терапия (т.е. препараты, уменьшающие вирусную нагрузку).

Меня поддерживают друзья, интересная работа. Сейчас я сотрудник центра, в котором раньше реабилитировался. Не скрываю там свой ВИЧ-статус. Мне важно ездить на обследования, лечиться. Не собираюсь ничего для себя требовать, бороться за доступность лечения — мне никто ничего не должен. Понимаю, что только я должен, но и обижать себя не дам, потому что если мне скажут с пренебрежением: «Эй ты, больной, иди отсюда», то не смогу, опустив глаза, уйти, не дам себя обидеть. Может быть, это нехристианский дух, но он во мне есть.

Благословенный сад

Для меня, как для человека церковного, важно, чтобы при окормлении пастырском отцы знали, кто пред ними стоит, за какую человеческую судьбу они берутся (как знает проблему духовник здесь, в Георгиевском), чтобы от незнания не было грубых ошибок. И чтобы я видел, что батюшка информирован о моей болезни, иначе сам начну терять к нему доверие, поскольку для меня важно, чтобы на мои вопросы по выстраиванию жизни отвечали с учетом особенностей моего заболевания. Это главное, что сейчас беспокоит.

Болезнь накладывает отпечаток на весь строй моей жизни, определяет решение многих значимых вопросов.

В частности, даже верующий врач теперь рекомендует, в связи с ухудшающимся здоровьем, взять разрешение на облегчение поста: вкушать рыбу и молочные продукты. А если мне назначат АРВ-терапию, то все еще раз изменится и придется опять пересматривать вопросы трапезы. Но я жду ее назначения. Потому что люди, которым доверяю, говорят, что и самочувствие, и иммунный статус улучшаются при ее применении. Есть батюшки, которые думают, что ВИЧ-инфицированные имеют память смертную, и это подвигает их на духовную жизнь и аскезу, но в себе вижу иное, и меня ВИЧ-статус подвигает на другое. Благодаря ему, думаю более о трезвой жизни с Богом, жизни по Его заповедям, потому что прежде ее у меня не было. Размышляю о том, как жить дальше, как лечиться, ведь мне всего 28 лет. Не мо-

гу сказать, что не задумываюсь о том, как буду умирать, скорее, даже знаю, как хочу умереть — христианской мирной кончиной. Но не имею сил и не считаю нужным думать об этом постоянно, иначе впадаю в депрессию. Господь дал эту болезнь как предупредительный звонок, чтобы мне изменить свою жизнь, но продолжать жить. Потому что Господь хочет меня научить, как я должен, имея эту болезнь, жить пред Богом. Он наказал меня, но при этом сохранил мне жизнь.

Кинолекторий

На приходе существует видеотека и регулярно проводятся просмотры кинофильмов с их последующим обсуждением. Во время обсуждения специально подобранных произведений киноискусства вскрывается разница мировоззрений присутствующих, происходит глубокая межличностная встреча. Для наркозависимых такая форма работы является очень конструктивной, поскольку позволяет им неожиданно увидеть иное понимание жизни. Подобный разговор воспринимается ими как безопасное общение, происходящее без грубого вторжения в их личную внутреннюю жизнь. По окончании беседы у этих ребят остается пища для раздумий, поскольку для них становятся очевидными глубокие изъяны тех стереотипов, в которых они привыкли воспринимать окружающий мир.

Для примера, чтобы показать, насколько не совпадают порой оценки содержания кинопроизведений после их просмотра у монашествующей братии и у пациентов, приводим выдержки из ответов, полученных при обсуждении фильма Павла Чухрая «Вор».

Почему на православном приходе мы смотрели этот фильм?

Почему показали — непонятно. Дешевенький — без мысли. Не о чем подумать, все банально. Не затрагивает проблем серьезных. По-бытовому все просто и понятно.

Любое произведение, наполненное искренней любовью, состраданием, жалостью к людям и их судьбе, можно рассматривать как христианское. Даже сам вор не выпадает из любви автора фильма, и вместе с тем его образ вызывает ужас. Так же

фильм пронзительно правдив. В нем правда и милость полноценно сочетаются. Показ этого фильма на приходе вполне оправдан.

Что ты можешь сказать о Толяне?

У вора были взлеты и падения. Это жуткий образ оборотня. Человек-губитель. Ближний его не интересует абсолютно, только своя выгода, преследуя которую он готов на любой обман, жестокость и подлость. Мальчик ясно увидел это много лет спустя, вновь встретившись с Толяном. Вместе с тем, Толян — натура сильная, попадая в сферу его влияния, люди более слабые начинают терять нравственные ориентиры, идут на конфликт со своей совестью.

Хоть жизнь была наполнена каким-то движением, деятельностью. Но жизнь его была более интересная, чем у военного. Безусловно, вор — душа компании, обаятельный. За себя может постоять. У него можно учиться конкретике, умению добиваться цели, он обносит людей, но умеет добиваться цели. Поставил цель и сделал ее. Продумал. Соль с собой носит. Ситуационно грамотно поступает в стране. Напялил китель — и все. Везде свой человек. Идеально правый.

Какие чувства у тебя вызывает «вор» и его жизнь?

Все-таки, прикольно воровать. Абсолютное неприятие его стиля жизни. Это образ демонической личности. Так действует «лукавый». Какие чувства может вызывать человек, если за сигарету или эскимо он готов «порвать» любого?

Ничего не делал — и вынес. И врач, поднялся бы нормально. Можно предположить, что отошел бы от дел. Зато пожил: были в Питере, на море. Эти сидят в Питере, жизни не видят. А тут романтика, может всех пригласить в цирк, в кино. Видел свет, а все прячутся на заводах. Есть частички красивой жизни. Это

привлекательная сторона жизни вора. Это вызывает симпатию к жизни вора.

Каким ты видишь его отношение к Кате?

Молодец, что он не вешал ей лапшу на уши. Открыто ей говорил. Так и надо говорить, что он ее не любит. Был с ней честен. Ему было хорошо, и удачно совпало, что и ей было хорошо. Хотя он думал о себе.

Пользуется ею как вещью: понимает, что прикрываться ею и ее ребенком ему выгодно для удобства обмана своих будущих жертв. Никаких теплых человеческих чувств он к ним не питает. Эксплуатируя любовь женщины и доверчивость ребенка, заставляет их работать на себя. Если она отказывается быть его пособницей, он может ее раздавить. У него таких Кать было много, он едва ли даже помнит, о ком напоминает ему несколько лет спустя Саша.

Женская тема в фильме. Судьба Кати.

Жена врача — пустомеля, болтает, а сама не знает, что такое столбняк. Фифа, из первой квартиры, шоколадку не съела, на самом деле красивая обертка, на деле пустая внутри. Единственная нормальная женщина в конце, которая взяла водку и пошла делать перевязку. Только она смогла пойти на поступок. Катя — непонятно: влюбилась или нет? Или она за стеной, что сможет прокормить. Спряталась за мужчину и все. На самом деле получилось, что нет. Непонятно, почему она поехала на пересылку, какими мотивами она

Правдиво показана главная героиня, правдиво показаны женщины послевоенных коммуналок. Любовь Кати к главному герою не возвысила ее, но отравила. Это была земная любовь. Любовь соединила ее с Толяном, соединила и с тем злом, которое жило в душе возлюбленного, этим злом отравилась ее душа. Ее земная любовь губила ее, но не спасала вора. Единственный выход спасти себя и ребенка — уйти от него. Такое решение и было принято. Но здесь новый поворот в судьбе: арест Толяна. И ради того, чтобы

руководствовалась. Чего она хотела добиться? Бессмысленный поступок. Символично, что это был ее последний поступок. За этим — смерть. Думать надо головой, так ей и надо, это закономерно. Так ей и надо, что он ее не вспомнил. Мама она не ахти. Хочет сделать хорошее ребенку, но не получается и делает что-то не то. Думает о себе. А о ребенке надо заботиться. Сначала о ребенке подумай, потом о себе. Не сумела дать ребенку, что хотела. Катя — хороший человек и вызывает сочувствие — потеряшка. Ласковая, симпатичная.

Воспитание мальчика Толяном

В те времена это нормальное воспитание, но получается лагерный тип, волчий. Жестко, но зато мальчик вырос преданным. Мужчина должен постоять за себя. Мальчик не изменился за этот период.

вызволить его, героиня, не раздумывая, приносит в жертву и себя, и ребенка. Но и смерть ее, и сломанная судьба сына не породили вора. Искупления не происходит, жертва не воспринята. Находясь в плену у своего чувства, Катя несколько раз переступает ту черту, которую переступить нельзя. Плод греха — смерть.

Мальчика он не воспитывал вообще, просто мастерил из него подручного воришку. И не без некоторого успеха. Воспитатель жертвует собою ради блага воспитуемого, духовно рождает его в страдании. Толян не жертвует собою — по фильму — ни для кого никогда. Отравляет сознание ребенка воровской моралью, а потом использует его. За время их общения Саша из доброго мальчика начинает постепенно превращаться в звереныша.

Как тебе кажется, какой замысел был у режиссера при создании фильма?

Потаенных замыслов режиссера мало. Я не считаю, что сын

Показать внутренний мир вора по убеждению, показать его

хорошо прожил свою жизнь. У мальчика еще более бесполезно прошла жизнь, чем у вора. У военного она была скучная и однообразная. Если режиссер и против Толяна, то это не очень очевидно, не такой уж он и негативный герой. Показано: отсидел, вышел, чистенький сидит с ханьгами, но он выглядит гораздо лучше, чем они, живет, не обламывается. Ему ничего и не надо. Есть рубашка, рубль — ему и хватит. Как хотел посмотреть режиссер — не знаю. Миллионы таких людей у нас в стране. Было бы логично, если б бомж оказался Толяном. Было бы логичнее сделать так. Было бы понятнее, что собаке собачья смерть. А так непонятна логика режиссера. Банально. Вреда принес много, но не помучился. Должен был получить по заслугам — обламываться, а так как бы съехал. Просто так совпало в фильме.

История России в фильме.

Жизнь России: повоевали — получили коммуналки, Москва, Черное море — везде одинаково. Везде одно и то же. Нерадостная, пустая жизнь. Страна, победившая в войне. Что хорошего сделал Сталин? Чего за него пить? Военные везде. Патрули. Порядок, а на самом деле порядка нет. Если мнимый военный

жизнь, его видение мира, его систему ценностей. Обличить их. Многие сейчас отравлены этой идеологией, и даже не понимают этого. По жизни — простые трудяги, никогда не судимые, но с удовольствием слушают блатные песни, мечтают о легких деньгах. СМИ часто показывают образ благородного бандита, романтизируют криминальную жизнь. Фильм Павла Чухрая развенчивает этот миф.

Сила фильма и в его исторической правде. Убедительно показано послевоенное время. Трагедия народа — победителя, ведущего жалкое существование. Монастыри, превращенные в тюрьмы. Много показано нюансами — татуировкой Сталина на плече, запрещение аборт в этот период. Кадры

может разгуливать, где угодно. Сколько таких было — неизвестно. То же самое осталось. Прошло 30–40 лет: те же дети, поезда, мамы, котомки — ничего не изменилось. Сам по себе фильм ничего не показывает. Никаких перемен.

Люди и их характеры

Все в цирк на халюву пошли с удовольствием. Сказать: «на какие деньги», а самому набить обе щеки. Даже не подумали: с какой стати это делается. Должно наводить на подозрение, когда человек легко расстается с деньгами, это вряд ли, скорее всего ему что-то нужно, какая-то есть цель. Последнее человек никогда не отдаст. Последнее человек должен оставить себе. Если о себе не позаботишься, вряд ли о тебе кто позаботится.

Отцовство в фильме

Показано, что добрый папа ехал на поезде, жизнь разминула с папой. На самом деле неизвестно, куда этот папа делся. Трудно сказать, как было на самом деле. Наверное, погиб, но не факт. Идея, что у ребенка должны быть родители.

Христианский ли это фильм?

Фильм нельзя назвать христианским. Никакого намека нету.

кинохроники, которые не отражают жизнь, а создают образ сказочной страны счастливых людей.

В фильме нет статистов. Появившись на экране на одну минуту, человек предстает перед зрителем со своим лицом и своей судьбой. На экране кипит жизнь. Режиссер внимателен к каждому персонажу фильма, даже никчемному по обывательским меркам. Внимателен по-доброму. Много можно рассказать о каждом, поэтому лучше смотреть.

В фильме скорее показана безотцовщина. Отцы погибли, отцов убрали, за отца выдают главного вора страны — Сталина. Татуировка Сталина на груди у вора меньшего масштаба — Толяна — несет большую смысловую нагрузку.

Никаких вопросов не затрагивается. Ни на одну заповедь.

Потому что христианский фильм должен быть больше, чем быт. А это просто рутинная бытовая, дальше рутины не уходит. Я не увидел ни намека на христианство. В Советском Союзе не было Бога, веры, церкви. Было идолопоклонничество Сталину, это и показано в фильме. Конца у фильма нет вообще. Фильм для галочки. Отмывка денег. Все на нет. Этот фильм легко поддается христианскому осмыслению.

Человеку с христианским видением мира это удастся безо всяких усилий. Но от прямолинейного морализаторства фильм вполне свободен. Но это достоинство, а не недостаток.

Слово родителям

Елизавета Владимировна

Буду погибать молодым
Слова из песни.

Эти слова из песни я услышала от сына в начале 90-х. Страшно было услышать их из уст пятнадцатилетнего сына. Когда через несколько лет я узнала, что мой сын ВИЧ-инфицированный, я вспомнила эти слова.

До этого было 4 года его наркотизации с глубочайшими падениями и с обнадеживающими периодами реабилитации, поездками на приходы и в монастыри.

Вот в эти периоды просветления мы с сыном узнали о Православии, о Боге, о грехе и покаянии. Но разными путями мы пришли к Богу. Сын раньше узнал и соприкоснулся с Церковью, но наркотики не отпускали. И лишь когда узнал о ВИЧ, он задумался о том, как прожить оставшееся время. И на этот раз победила жажда жизни, он не кинулся прожигать остаток дней, а сделал шаг, даже не шаг, а просто кинулся к Богу. Господь милостив — Он взял его и повел. Потихоньку, не спеша, помогая преодолевать искушения и скорби. Он не вылечил сына физически, но Он лечит его душу, Он помогает жить с болезнью и при этом не чувствовать себя калеккой и изгоем.

Я намного позже его пришла к Богу. Когда узнала о ВИЧ, хотя внутренне готовила себя к этому, все равно для меня померк свет, жизнь закончилась. Я очень люблю своего сына и не переставала его любить в самые черные дни. А здесь — мой мальчик, моя кровинка болен, болен такой страшной болезнью. Мне показалось,

что вот-вот, не сегодня, так завтра, он умрет. И хоть старалась не показывать вида, но внутри обливалась слезами. В быту у нас ничего не изменилось, только сын поставил зубную щетку в другой стаканчик. Да я, пристрастившись к спиртному за время его наркотизации, стала выпивать еще больше, стала больше жалеть и себя, и сына и больше плакать. По просьбе сына я начала иногда заходить в церковь. Однажды я прочитала о благочестивом разбойнике и испугалась возможности умереть без покаяния.

Я не растила сына наркоманом, но считаю, что в том, что он им стал, есть моя вина. А значит, и в его болезни я тоже виновата. Так началась моя жизнь с Богом, с Церковью.

Постепенно ушли из моей жизни спиртное и сигареты. На многие вещи я стала смотреть по-новому. Но в отношении болезни сына я в тайниках души надеялась на то, что Господь увидит мое смирение и покаяние и излечит сына. Но, узнавая о Боге больше, я стала понимать, что именно благодаря этой болезни мы с сыном пришли к трезвости, а затем и к Богу.

Рыболовецкая бригада

Ребята, хотящие бросить наркотики, проходят реабилитацию в центре «Мельничный Ручей», а затем едут на приходы пожить трудниками. Один из таких приходов находится в селе Георгиевском Ивановской Епархии. Настоятель прихода игумен Мефодий принимает ребят на реабилитацию. Благодаря жизни на этом приходе и наставлениям братии, многие наркозависимые вернулись к нормальной жизни в миру: имеют работу, обзавелись семьями, ведут трезвый образ жизни, продолжают жизнь в Церкви.

Но не только ребята находят помощь в Георгиевском. Я давно хотела познакомиться с о. Мефодием. И Господь исполнил мое желание. После встречи и беседы с ним я вернулась домой ободренной и успокоенной. Да, сын болен, но он жив, он трезв, он работает. У нас с ним сейчас гораздо больше общего, чем раньше. Его болезнь не мешает ему общаться с друзьями, учиться. Периодически он проходит курсы лечения, более внимательно мы относимся к его здоровью, стараемся, чтобы он не простывал, не переутомлялся.

Я встречалась с мамами, которые не могут смириться с болезнью сына или дочери. Хочется сказать им, что не надо бояться ВИЧ-инфекции, наши дети не живые покойники, они люди с ослабленным здоровьем. Молитесь о них, любите их и будьте рядом, когда потребуется помощь. С Божьей помощью не дайте им умереть молодыми.

Алексей Ильич

Бог обращается к человеку шепотом любви.
А если он не слышит — то голосом совести.
Если человек не слышит и голос совести —
То Бог обращается через рупор страданий.

К. Льюис

Наркотизация дочери, которой в ту пору было 17 лет, для нас оказалась полной неожиданностью, потому что в нашей достаточно благополучной семье этого быть не могло, а коль уже случилось, то поначалу казалось, что в этом ничего страшного нет, немножко лечения, и все пройдет. И с этого момента начался кошмар, в который мы стали погружаться всей семьей. Надо было спасать дочь, скрывать это от окружающих и пытаться жить самим. Проходили месяцы, годы, а улучшения не появлялось, но становилось все хуже. Вся жизнь была сконцентрирована только

вокруг дочери. Прежние чувства родительской любви постепенно переросли в ненависть к этому монстру, который разрушал себя, разрушал семью, разрушал всю нашу жизнь. Ни лекарства, ни психотерапевты ничем помочь уже не могли ни дочери, ни нам. Жизнь потеряла всякий интерес — жить просто уже не хотелось ни мне, ни жене. Я часто бродил по городу, совершенно не осознавая, по каким улицам хожу, чего ищу. И в один из таких дней я оказался в Троицком соборе Александро-Невской лавры, перед иконой Божией Матери Скоропослушницы. До этого никогда не ходивший в храм, я, еще недавно такой успешный и благополучный, стоял перед этой иконой, плакал и просил помочь мне, моей семье, дочери. Сколько времени я так простоял — не знаю, но после этого на душе стало легче. То ли от слез, то ли от ощущения, что мои просьбы услышаны.

Мне трудно сейчас вспоминать тот страшный период, который еще некоторое время длился, а я тогда еще не понимал, что что-то уже сдвинулось и в моей душе, и в жизни нашей семьи.

Через некоторое время Василиса попала в реабилитационный центр «Мельничный Ручей» фонда «Возвращение», где пробыла 4 месяца. Этот период стал началом обновления нашей семьи. Меня и жену пригласили на родительское собрание в храм Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади, священник которого, отец Максим, окормлял реабилитирующихся на «Мельнице» пациентов. Он долго говорил с нами о родительском грехе, о спасении наших детей через веру в Бога, т. к. мы все в Его власти, и тогда же был отслужен молебен о здравии детей и их родителей. Это был первый шаг на пути моего воцерковления. Шаг, сделанный мною единственно ради спасения моей семьи и дочери.

Василиса после окончания реабилитации на «Мельнице» уехала на приход в село Петровское. За этот период я несколько раз бывал на приходе и видел, какие глубокие изменения в ней происходят.

Время, пока ее не было дома (а всего она отсутствовала год и два месяца: реабилитировалась вначале на «Мельнице», затем в Петровском), было дано мне, чтобы я мог понять, что произошло с ней, почему это стало возможно в нашей семье, как нам дальше строить свою жизнь. Бог «рупором страданий» известил меня о бессмысленности жизни без веры, вне покаяния. И этот рупор мо-

жет прозвучать в жизни каждого родителя, практически в любой современной семье. Пусть не обольщается никто: «С нашим ребенком такого случиться не может». Мы тоже так думали. А поскольку на мне лежит ответственность за детей — я работаю директором школы, — мне показалось важным помочь детям сформулировать понятие греха. Для этого я решил ввести в школе новый предмет — историю православной культуры. Это не Закон Божий, но этот предмет позволяет познакомить воспитанников с православной традицией, законами христианской нравственности, дать представление о культуре, основанной на православной вере. Поскольку наша школа государственная, мы не ставим перед собой задачи воцерковления детей — это задача родителей. Просто важно посеять те семена, которые через 5–10–15 лет дадут свои ростки, помогут уберечь детей от соблазна и падения, приведут их к вере, к Богу. Я считаю, что в школе перестали заниматься главным — воспитанием нравственности. И родители тоже перестали этим заниматься, они не ведут с детьми диалога о добре и зле. А это самое главное. Потому что в наших детях — залог нашего счастья или отчаяния, радости или трагедии.

Приходская семья

Сложилось так, что я стал общаться с родителями наркозависимых ребят, старался поделиться с ними своим собственным опытом, поддержать их в эти невыносимо трудные для них моменты жизни, вселить в них надежду, подсказать, что только через родительскую молитву, ежедневную, ежечасную, мы можем помочь нашим детям и спасти их. Видя их горе, мне до глубины души было их жаль. К сожалению, пришлось столкнуться с тем, что очень часто эти люди в своем горе не хотят слышать о пути спасения через веру и церковь, не хотят простить своих детей, изменить себя и свое отношение к детям. Любовь к детям должна быть взыскующей, важно перестать жалеть себя в своей привязанности к собственному ребенку. Любить своего ребенка, прощая ему все преступления, выкупая из милиции и, по сути, потакая ему в преступном, паразитическом образе жизни, легче, чем пойти на поступок, который надо сделать, потому что он изменит ситуацию, но от которого сердце разрывается (был момент, когда я выгнал Василису на улицу, после чего она согласилась на реабилитацию).

Продолжение моего воцерковления в городе не всегда было успешным. То не хватало времени, то душевная лень приводила к тому, что я чувствовал нехватку духовной пищи для себя. И тогда Бог дал мне возможность съездить на приход в село Георгиевское Ивановской епархии. Приехав сюда, я обрел то, чего мне так не хватало — душевный мир, который почувствовал я здесь, исходил от всего. Красота природы, величественная Волга, тишина, где все дышит покоем, храм с малым числом прихожан. А самое главное — удивительные отношения между монахами, членами маленькой общины, реабилитантами, проживающими здесь, теплые, душевные беседы с настоятелем о. Мефодием — все вместе давало такой заряд веры и радости, что его хватало на долгий период городской суетной жизни. И вот уже четыре года летом и зимой езджу я сюда лечить свою душу и пополнять духовные силы. А дочка тем временем вышла замуж, родила нам внука Илюшу, который теперь источник радости для бабушки и дедушки. Период ее адаптации к городу был сложным не только для нее самой, но и для нас. Я видел, как ей было трудно, и теперь хорошо понимаю, что главная ошибка родителей, у которых дети вернулись после реабилитации, — это постоянное чувство страха и недоверия к детям. Необходимо дать им право самим определиться в жизни, при этом

у ребенка не должно быть ощущения одиночества, потому что они объективно одиноки, поэтому им важно чувствовать, что они нужны своим близким. Мое отношение к наркоманам за это время претерпело сильные изменения: от чувства ненависти и желания всех их стрелять я перешел к желанию всем помочь и к ощущению, что всех жалко.

Однажды я услышал, что самое главное — не потерять диалога с детьми, и согласился — это залог успешных отношений и ключ к взаимопониманию. В то время я начал более интенсивно общаться с наркозависимыми, особенно с теми, с которыми познакомился на Георгиевском приходе, которые уже прошли реабилитацию и пытались после возвращения в Питер устроить по-новому свою жизнь в городе. Я видел, как им трудно войти в городскую жизнь, и особенно сложно оттого, что нет контакта с родителями, нет взаимопонимания, давит тяга к наркотикам. Лишь тогда я до конца понял, что наркозависимость — это болезнь, от которой надо лечиться, и путь этот проделывается с огромным трудом. Я видел, что мое общение им нужно. Им нужно человеческое тепло, участие, внимание, домашняя атмосфера, куда можно прийти, ожидая сердечной встречи. Им не хватало места, где их готовы выслушать и помочь советом.

Не могу сказать, что после того, как наладилась жизнь у дочери, у меня не осталось никаких проблем. Но теперь я знаю, на что опираться в моих сегодняшних скорбях. В унынии и в тягостных переживаниях лучшей поддержкой для меня стал молитвослов. Читаю молитвы, которые я люблю, например молитву Оптинских старцев. Поминаю своих близких, насельников Георгиевского и, конечно, в первую очередь Василису и младенца Илью.

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

«Молитва матери»

Его звали Лев. Мама не ошиблась, когда назвала его. Он был рыж, и волосы стояли на голове как жесткая щетка. Воспитывала его одна. Отец Левы, боксер, оказался алкоголиком, и она ушла от него. Уехала в другой город. Вырастить сына было трудно. Иногда не спала ночей, шила ему брюки, чтобы был аккуратный, чистенький, «не хуже других». После окончания авиационного училища

Лева работал на аэродроме. Механиком. Руки золотые, покладистый, компанейский. Незаметно пристрастился к спирту, который легко было достать на аэродроме. Женился, вскоре в семье родилось двое детей. Жена начала бороться с алкоголизмом мужа. Мама активно ей помогала, всегда была рядом. Решили прибегнуть к кодировке у врача-нарколога. Но в результате стало во много раз хуже: вместо алкоголя в жизни Левы появился наркотик — эфедрин. Чтобы спастись от эфедрина, Лева перешел на героин. И стало последнее хуже первого.

Впервые Лева попал на реабилитацию в фонд «Возвращение» в 1992 году. Хотя ему было уже около 30, он живо потянулся к вере, к церкви. Появилась надежда. К тому времени жена уже устала от его проблем. И только мама по-прежнему была с сыном. Пекла пироги и возила их, с тремя пересадками, в реабилитационный центр за 150 км от Питера. После центра Лева поехал на приход.

По времени он был первым реабилитантом на Георгиевском приходе. Добродушный, работающий и не чуждый глубоких душевных переживаний: иной раз он навзрыд плакал, читая жития, или плакал на исповеди о своих тяжких грехах. Но долго пробыть на приходе не мог, томился. И сокрушался о грехах, и влекся к ним. А мама привозила на приход цветы, посильно помогала. Молилась за сына. Беседовала с бабушкой. И продолжала надеяться на его выздоровление, на чудо. Но Лева уехал в город. И сорвался там. Опять отправился на приход, и снова в город, и снова сорвался.

В городе он пил. Жил с мамой. Пытался молиться дома. Ходить в церковь не мог. Злая сила не пускала, давила, было стыдно. Потом на время приходило просветление, церковное покаяние, и снова запой. И так несколько раз. Динамика падения превышала силу покаяния. После очередного такого витка Лева заметно для окружающих деградировал. По мнению духовника, светлые периоды приходили в первую очередь благодаря молитвам матери. Мать просила Бога об исцелении сына, ее молитва не давала ему уйти, держала на земле, но не могла освободить, поскольку в нем самом не было сил и решимости бороться с недугом. Бабушка говорил матери, что не всегда разумно в молитве настаивать на исцелении, что если в Леве нет ресурсов для борьбы с грехом, то важнее ему примириться с Богом и в период покаяния отойти в иной мир, потому что продолжение такой жизни только увеличи-

вает его греховный долг. Но ее материнское сердце не соглашалось на принесение такой молитвы.

Во время очередного запоя он позвонил сотруднику «Мельницы» Алене: «Не могу больше, помоги лечь в больницу, выйти из запоя». Договорились, и его положили в городской наркологический диспансер, где выводят из абстиненции алкоголиков и наркоманов. Угрюмое здание на Васильевском острове. Алена зашла на отделение дней через пять. Похудевший, трезвый, он ей обрадовался, поскольку они давно не виделись. По ее просьбе ему назначили курс лечения и на выходные стали отпускать домой. В воскресенье поздно вечером Алене позвонили. Звонил Лев из больницы. «Сообщи маме: я плохо себя чувствую, — она не берет трубку. Пусть приедет». Алена возмутилась: «Лева, тебе сколько лет! Куда поедет мама так поздно, да ее и не пустят. Пусть тебе вызовут дежурного врача. Ты же в больнице, вокруг медперсонал. Умереть не дадут. А завтра утром мама приедет». Положила трубку, но не выдержала, позвонила маме. Разговор получился долгим. Сколько лет борется она за выздоровление Левы! Молится, упорно просит Бога исцелить сына. Алена напомнила ей, что бабушка, видя Левину жизнь, советовал ей молиться иначе. Что если сын не может жить трезво, то лучше ему отойти в покаянии, примирившись с ближними и с Богом. И впервые за много лет мать согласилась с этим и ночью начала молиться за сына именно так. Утром она поехала в больницу и узнала, что Лева этой ночью умер. Так исполнил Бог молитву матери.

Лева накануне был дома. Помылся, позвонил жене, тепло поговорил с матерью, отчимом. После его ночного звонка врач определил у него пневмонию. В реанимации боролись с развивающимся отеком легких. Никто, как верующий врач, не знает нагляднее, что есть сила Божия и немощь человеческая. Можно истощить весь запас медицинских средств, а человек уйдет, потому что так определено свыше.

Отпевали Леву на Серафимовском кладбище в Прощеное воскресенье. Для провожавших Леву это было очень значимо. Православные прощают в этот день друг другу взаимные обиды, примиряются перед Великим постом, надеясь, что и Бог их простит. Над Левиной могилой все помирились: его сын — трудный подросток — с матерью и бабушкой, те, в свою очередь, друг с другом. На поминках никто не напился, поминали его доброе сердце, трудо-

любие, покладистый характер. За него и по сей день молятся православные на тех приходах, где он работал. Сороковины пришлись на день поминания Марии Египетской. Ранняя весна, солнце. Могила среди берез. Батюшка с кадилом пел вечную память. А голуби, слетевшиеся почему-то на могилу, не улетали. Взлетят, напуганные взмахом кадила, и садут обратно и воркуют. И так светло и вокруг, и на душе.

Имя Лев — подлинное. С той целью мы не изменили его, чтобы пожелавший мог помянуть раба Божия Льва в своей молитве.

* * *

К собранию свидетельств о реабилитации на Свято-Георгиевском приходе мы решили добавить воспоминания бывшего сельского приходского Георгия К., который прожил на приходе 9 лет. Здесь сформировалось его православное мировоззрение. Воспоминания относятся к тому времени, когда Георгий являлся послушником Сербского мужского монастыря, расположенного в Риеке Црноевича в Черногории. Это рассказ о его встрече с ВИЧ-инфицированным молодым человеком, который не только оставил наркотики и полностью переменяет свою жизнь, но даже принял постриг и окончил земной путь православным монахом.

Светлой памяти дорогого нашего брата.

Душан Деянович родился в 1961 году в пригороде Белграда Земуне от родителей Деяна и Браниславы. Мама, Бранислава, родом из потомственной крестьянской семьи с севера Сербии, жила до своего сорокалетнего возраста со своей мамой и сестрой. Жили они благочестиво, даже по-монашески, простой крестьянской жизнью: знали только своё поле, свой дом и церковь. После смерти мамы, Бранислава, будучи 40 лет, решает выйти замуж за военного и впоследствии переезжает в предместье Белграда. Душан был единственным сыном в этой семье. С раннего возраста он серьёзно увлекается рок-музыкой, и уже в начале 80-х он становится барабанщиком одной из трёх самых «передовых» рок-н-рольных групп Югославии. С молодых лет Душан начал употреблять героин. Музыка, выступления, наркотики — всё это продолжалось примерно до 1986 года. Потом Душан несколько месяцев был в заключении. После освобождения, через некоторое время, его вызывают в больницу. Там в одном кабинете он встре-

чает всех тогда уже освободившихся сокамерников, которых врачи собрали, чтобы сообщить, что результат анализа крови показал у всех наличие ВИЧ-инфекции. Находясь в заключении, они все вместе употребляли героин.

Это известие потрясло Душана и подвигло его на искание в этой жизни высшего смысла. По словам его, если бы не эта болезнь, то не пришёл бы он к Богу. Но путь этот не был лёгким и быстрым. Проходит несколько мучительных лет, прежде чем Душан сознательно приходит в церковь. Наркоман почти с десятилетним стажем, он бросает наркотики. Но борьба эта не оставляет его до самой смерти.

Признаки СПИДа быстро начали проявляться: слабость, постоянное недомогание. Душан часто и подолгу болеет. Простуда, переходящая в затяжное воспаление лёгких, многие месяцы в больнице — это уже становится нормой жизни. Примерно в 1995–96 годах он знакомится с монахами из Черногории. Душан пользуется их духовной поддержкой, и эти связи все более укрепляются. Он часто ездит к ним в монастырь ради душевной пользы, и сердце его возгорается ревностью к Богу: он решает посвятить себя на служение Богу — хочет стать монахом. Но по состоянию здоровья он не может жить в монастыре. Иммуитет сильно ослаблен, Душан часто болеет, подчас несколькими болезнями сразу; постоянная физическая немощь и чувство усталости... По этим причинам он не может ни выдержать ритма монастырской жизни, ни нести какие-либо серьёзные послушания. Но желание сердца Душана усиливается, и по благословению одного из епископов весной 2000 года, после праведной кончины его мамы Браниславы, Душана тайно постригают в рясофор с именем Силуан в честь преподобного Силуана Афонского. После пострига, как и до него, Душан поддерживает активные связи с монастырем Святителя Николая в Риеке Црноевича в Черногории. Он часто туда приезжает, остаётся по несколько дней или недель, в зависимости от состояния своего здоровья.

Возвращаясь в Белград, в свою маленькую квартиру на последнем этаже высокого дома, похожую на птичье гнёздышко, он ведёт в большом современном городе жизнь отшельника, почти всё своё время проводя в молитве, чтении псалмов и Св. Евангелия, в беседах и общении с приходящими к нему. По словам его лечащего врача, Душан вошёл в историю югославской медицины

как долгожитель с ВИЧ/СПИДом — около 15 лет с инфекцией. Больше в Югославии таких примеров не было и пока нет. Для очень многих своих друзей, знакомых он становится своего рода проводником на пути к Богу, даже иногда наставником; молитвенником за них, утешителем. Видимо, ради этого служения Господь и оставляет Душана в этой жизни. Многие из его старых друзей становятся серьёзными членами церкви. Душан, сам физически немощный и одержимый различными скорбями, для каждого из приходящих — опора, поддержка в тяжёлых обстоятельствах. Оставаясь один, он молится за всех, кто у него был, кто и самому ему помог. После его смерти мы нашли большую коробку, полную записок с именами. Душан всегда их перечитывал.

Жил Душан на средства от случайных редких приработков на компьютере, после смерти мамы иногда сдавал внаём комнату; часто помогали друзья. Обстановка его квартиры была по-настоящему нищенской: ничего лишнего, но не производила отталкивающего эффекта. Нужно сказать, что круг общения Душана был очень широк, и охватывал он, как и раньше, и «рок-элиту» Югославии. Некоторые музыканты, воодушевлённые примером Душана и поддерживаемые им, бросают наркотики, начинают иначе относиться к Богу и церкви, что отражается и на их песнях. Одна группа, и поныне остающаяся на вершине популярности у молодёжи в Югославии, даже захотела прекратить играть и совсем оставить музыку, но епископ, чьим духовным руководством они пользуются, не благословил это, а напротив — увещевал их продолжать музицировать, но уже в ином качестве. И таким образом музыканты могут влиять на молодых людей, пробуждать их от сна, заставить задуматься о смысле и цели жизни.

Последние полгода жизни Душана были особенно тяжёлыми. Некоторое время из-за грибковой инфекции, поразившей пищевод и вызвавшей его срастание, Душан почти 40 дней не мог есть, пока друзья не достали фантастически дорогой и очень редкий антибиотик, после лечения которым наступило небольшое улучшение. Душан находился в катастрофическом истощении. И раньше он был всегда очень «худенький», а теперь — в буквальном смысле слова «кости да кожа» и глаза. Он уже почти не мог передвигаться, здоровье целого организма было подорвано, но ложиться в больницу он категорически отказывался. Дома он был окружён любо-

вью и заботой близких друзей, и сам он в свою очередь старался их подбадривать и веселить.

Несмотря на сильную болезнь, его смерть наступила неожиданно для всех. В коме Душана доставляют в больницу, где он вскоре умирает. Смерть его была тяжелой и очень страшной мистически. Его близкие друзья, собравшиеся вместе в то время, как он умирал, чувствовали жестокую духовную брань. Битва за душу человеческую. А после его упокоения, на следующий день, его близкие, все, независимо друг от друга, находясь в разных местах, ощутили успокоение и мир.

Похороны на четвертый день проходили уже как возвышенное, радостное событие. Собралось очень много друзей Душана, его знакомые, и ни у кого не вызвала сомнений его загробная участь. Скорбь от расставания сменилась радостью за представшего Господу друга и брата.

После похорон да и теперь мы все, друзья Душана, твёрдо уверены: он жив у Бога, он остаётся среди нас, вместе с нами; и он молится за нас перед Богом.

Георгий. 8.01.2002 г.

* * *

На этом подборка материалов на тему наркомании и ВИЧ/СПИДа заканчивается. Хотелось бы подвести некоторый итог, поставить точку. Если после прочтения брошюры читатель по-новому увидел проблему, согласился с тем, что церковь должна активно заниматься с наркозависимыми и с инфицированными ВИЧ/СПИДом, убедился, что церковь может многое предложить для решения данной проблемы, и осознал, что эта категория молодых людей совсем не безнадежная часть церковной паствы, то составители сборника считают свою задачу выполненной. Братия Свято-Георгиевского прихода сделала свой выбор и на основании накопленного опыта будет продолжать реабилитацию наркозависимых пациентов. Оказалось, что работать с ними, хотя зачастую и непросто, но интересно. Среди них немало талантливых ребят, многие очень серьезно и ревностно относятся к своему воцерковлению, поскольку понимают, что в их случае это вопрос жизни и смерти. (Поначалу вопрос не столько вечной жизни, сколько временной, поскольку средняя продолжительность жиз-

ни наркомана, от начала наркотизации до смерти, всего 5–7 лет). Эти ребята умеют ценить доброе и доверительное к ним отношение. За все годы, в которые на приходе проводилась реабилитация, никто из пациентов не позволил себе подлого поступка по отношению к приходу (хотя мы понимаем, что у некоторых приходов в этом отношении может быть иной опыт). Когда становишься свидетелем того, как эти ребята буквально на глазах воскресают к жизни, то и сам испытываешь глубокие переживания. А главное, понимаешь, что Богу дороги эти люди, и видишь, что Он принимает их.

В заключение мы решили еще раз предоставить слово настоятелю прихода и приводим его статью о приготовлении наркозависимых к жизни на церковном приходе. Нам хотелось бы, чтобы те люди, которые попали в зависимость от наркотиков, и те люди, у которых в этой беде оказались близкие знакомые, приходили за помощью в церковь. И вместе хотелось бы, чтобы служители церкви могли им эту помощь в полной мере оказать.

Приготовление наркозависимых к жизни на церковном приходе

Игумен Мефодий (Кондратьев)

Кого следует отправлять на приход и на какой срок?

Тому, кто направляет наркозависимого на приход или в монастырь, необходимо должным образом подготовить его к жизни при храме. От этого приготовления в значительной мере будет зависеть, насколько благополучным окажется не только начальный период церковной жизни у наркозависимого, но и сложится ли он вообще. Конечно, к неудаче воцерковления и церковные служащие не отнесутся как к полной неудаче, и они согласны считать добрым результатом, если реабилитант в дальнейшем просто сможет жить без рецидивов наркотизации. Но для достижения хотя бы этого, более скромного, результата также потребуется правильно сориентировать пациента на период его приходской жизни.

Подготовку лучше проводить индивидуально с каждым из тех, кто выражает желание после реабилитации на «Мельничном Ручье» пожить на приходе. Сначала целесообразно выяснить его помыслы о приходской жизни, затем воспол-

После службы

нить или исправить их, дав им правильное направление. В первую очередь требуется, чтобы бывший наркоман ясно понимал, с какой целью он едет на приход. Об этом следует его самого расспросить, и именно ответ на этот вопрос будет определять, есть ли вообще смысл отправлять его на приход.

Ответы на данный вопрос могут быть разными, однако они должны выявить либо желание активного воцерковления, что предпочтительно, либо просто желание изменить себя к лучшему, усвоив иной стиль поведения, иной образ жизни в окружении православных людей. Желание менять себя, работать над собой дают основание для выезда на приход.

К сожалению, нередко наркозависимые смотрят на свое предполагаемое пребывание на приходе как на отбытие должного наказания за преступное прошлое, как на временную тягостную добровольную ссылку ради успокоения своей совести или для успокоения родителей и родственников. Часто именно родители желают отправить измучившего их наркомана пожить при храме, надеясь, что пребывание там пойдет ему пользу или просто желая еще немного отдохнуть от него, вынуждают дать его согласие на ссылку. Если мотивировка к жизни на приходе такова, то на приход такого пациента отправлять нельзя. Приход не тюрьма и не каторга, не место, где хоронят молодость. Конечно, для жизни при церкви могут быть высказаны и иные неблагоприятные причины, здесь необходимо понимание.

На какой срок жизни при храме должен себя настраивать реабилитант? По согласному мнению священников, на опыте изучивших проблему, — на достаточно длительный, где-то от полугода до полутора лет, а может быть, и дольше. Но решать это будет он не сам, а в согласии со своим духовником. Отъезд без благословения духовника нередко приводит к нежелательным последствиям. Но и пересидеть на приходе тоже не следует. Духовник подскажет.

Здесь следует сделать одну оговорку. Наркозависимые (и их родители), как правило, уже ведают, насколько длительным должно быть их пребывание на приходе, так что внесение корректив в эти сроки встречает с их стороны неприятие (обиду, беспокойство, огорчение). Но по приезду нового пациента на приход может выясниться, что данный приход со своим укладом, с наличным составом его насельников не совсем подходит для воцерков-

ления данного приехавшего реабилитанта. Или реабилитант со своими особенностями не вписывается в это братство, и не потому, что он плохой или бесперспективный, он другой, на ином месте ему, быть может, цены не будет. Поэтому пожелание приходского духовника переместить этого пациента не следует однозначно расценивать как приговор и отвержение. Просто переместить. Хотя, действительно, бывает и так, что наркозависимый настолько нарушает жизнь прихода, что чем быстрее он уедет, без всякой рекомендации о переезде на другой приход, тем лучше.

Что ждет наркозависимого на приходе и чего ожидают от него?

Приходы, принимающие наркозависимых после их реабилитации в каком-либо центре (например, на “Мельничном Ручье”), могут значительно отличаться друг от друга. Не усложняя своей задачи, расскажу о том, что ожидает подающего надежды выпускника такого центра на приходе, где я являюсь настоятелем и духовником, и понимания каких вещей нам в идеале хотелось бы видеть у него. Многое из сказанного будет справедливо и относительно иных приходов, но, наверное, не все. Прежде всего несколько слов о нашем Свято-Георгиевском приходе.

На звоннице

Приход расположен на северном берегу Горьковского водохранилища. С юга и востока доступ к нему ограничивают речные воды, с севера — леса и болота. Подъездная дорога с запада, ужасно разбитая, заканчивается перед речушкой Валы, перейдя которую по деревянному мостику реабилитант входит в небольшое село Георгиевское. В селе не живет никто, кроме служителей храма. В числе этих служителей уже несколько лет нет представительниц женского пола. Костяк малого мужского братства составляют четыре монаха: игумен, иеромонах и два иеродьякона. Число насельников (включая реабилитантов) колеблется от десяти человек до пятнадцати. По мнению насельников, это идеальное место для работы над собой в служении Богу.

Понимания каких вещей хотелось бы видеть у каждого из желающих жить с нами (не только у экс-наркоманов)? К чему их следует готовить?

Для удобства разобьем дальнейшее на пункты.

Заготовка дров. Зима.

1. Необходимо, чтобы всякий приходящий на приход стремился слышать, чувствовать, понимать тех, кто живет рядом с ним, был способен почувствовать общую атмосферу прихода и не разрушать ее. Само вхождение должно пройти, по возможности, тихо, спокойно, чтобы пришедший смог увидеть, как здесь жили

до него, увидеть нечто доброе, объединяющее братию, с тем чтобы при своем вхождении не деформировать и не исказить сложившиеся отношения, напротив, обогатить приходскую жизнь богатствами своей души. Но это в идеале. А по минимуму новый насельник хотя бы не должен грубо выпасть из общей жизни, хотя бы иметь способность воспринимать прозрачные намеки об ошибках своего поведения. Если начинать совместную жизнь с прямых замечаний и, не дай Бог, выговоров, то такая совместная жизнь не принесет никому ни радости, ни особой пользы.

2. По приезде новичка устроят в какой-либо келье, объяснят, куда можно ходить, а куда ходить не следует, объявят распорядок приходской жизни. В отношении остального он должен ориентироваться сам. Кому и в чем подражать, от кого и чему учиться. Все, что запрещено братии, запрещено и ему, но не все, разрешенное давним насельникам, тем самым и ему разрешено. Это понятно, но детали лучше уточнять.

Заготовка дров. Лето.

Теперь главное. Если вновь прибывший будет спрашивать, то ему будут отвечать на его вопросы по силе разума, а если не будет спрашивать, то едва ли кто станет набиваться ему в наставники, потому что состояние учителя трудно совместить со смиренным мнением о себе. С другой стороны, практически всегда люди

пропускают мимо ушей поучения непрошенных наставников, так что, пытаясь их образумить, только бросаешь слова на ветер, зря тратишь силы. Такие «назидательные» не востребуемые речи подвижники расценивали как пустословие. Даже духовник не будет навязываться с советами. Еще менее настоятель, первая забота которого связана с тем, как совершаются богослужения, вторая — как отладить внешнюю жизнь прихода, затем — святая обязанность присматривать, чтобы отношения между братьями были

Зимние работы в саду

мирными, и еще целая гора прочих забот. Основное беспокойство о своем спасении каждый должен проявлять сам. «Наше дело создать человеку условия для спасения, а спасается человек или нет — сам смотри», — говорил преп. Моисей (Путилов), настоятель Оптинский.

На этом пункте многие спотыкаются. Новичок может почувствовать себя заброшенным, хотя это не так. До сих пор все лезли его учить: школьные преподаватели, родители, друзья, подруга, сотрудники реабилитационного центра, — он к этому привык, а на приходе не так. Например, делает он какое-то дело и кто-то,

проходя, глянет и не сделает никакого замечания. Новый брат решит, что это означает одобрение того, как он исполняет послушание, или согласие с тем, что он предпринял по собственной инициативе. Но для подобного вывода нет достаточных оснований. Надо было бы ему спросить, так ли и то ли он делает, и тогда, неожиданно для него, мог бы услышать в ответ от брата, что не так и не то. Только в том случае, если его деятельность может закончиться бедой или значительным уроном для прихода или для него самого, его остановят, да и при этом, может быть, дадут еще время одуматься или спросить самому. Это пример относительно послушаний.

Тем более надо научиться вопрошать о духовной жизни.

Итак, с самого начала надо внимательно смотреть, вдумчиво слушать и обо всем спрашивать у могущих наставить. Иначе

можно полностью дезориентироваться и бесплодно потерять время.

3. Еще одна вещь смущает реабилитантов: отсутствие похвалы после хорошо сделанного дела. Многие на приходе только и начинают трудиться, и каждое завершённое задание для них событие, а похвалы, кроме разве самого скромного одобрения, не слышно. От такого огорчения руки опускаются и пропадает желание заниматься чем-либо. Но такова традиция братства: не строить благополучие прихода посредством эксплуатации тщеславия насельников.

4. Подробнее о послушании. Пришедший спасаться на приходе должен настроить себя на исполнение каждой просьбы и настоятеля, и любого из братии. Ему дается возможность проявить свою любовь к живущим при храме насельникам самым убедительным образом: каждую их просьбу он пусть рассматривает как обязательную к исполнению. Приказов и повелений никто на приходе не делает. Просто все положили себе за правило облегчать жизнь друг другу, взаимно исполняя благоразумные пожелания ближних. Общую же заботу обо всех несет на себе настоятель, и потому его просьбы братья стремятся исполнять в первую очередь. Все происходит без нажима, просто, по-семейному. Если же кто-то из раза в раз пренебрегает, не обращает внимания на просьбы собратий и особенно на просьбы настоятеля, то это свидетельствует о том, что он не хочет жить с ними общей жизнью, ну тогда пусть и телесно отдаляется, переходит в иное место на жительство. И это его желание отдалиться должно осуществиться мирно, без ругани и без обиды с его стороны, как и на него никто не обижен, просто совместная жизнь не сложилась.

Какие относительно послушания возникают недоумения? Первое, это то, что многие простую, в двух-трех словах, без акцентирования произнесенную просьбу как бы вовсе и не слышат. Если на них вытаращат глаза, повысят голос, притопнут ногой, и притом пригрозят санкциями, то вот тут они поймут, что именно это и означает идти исполнять послушание. Но в такой форме данное послушание означает насилие над послушником, тогда как в смиренной просьбе насилия нет. Если вспомнить пункт первый, то и относительно него заметим, что в деликатном намеке также нет насилия, есть лишь оповещение брата о его промахе, а в замечании и тем более выговоре уже присутствует насилие. Но никто

из ищущих для себя настоящего блага не желает проявлять насилие над ближним. А если какой брат упорно не желает жить в атмосфере взаимного внимания и единения, то не разорять же из-за него сложившийся на приходе порядок жизни, пусть уж он сам поищет для себя место, где люди общаются между собою на очень понятном для него вызывающе жестком языке. В этом мы не можем пойти на уступки.

Плотницкие работы

Вторая, столь же частая и не менее опасная, ошибка относительно послушания состоит в том, что люди по большей части полагают, будто главной целью послушания является достижение во всех делах максимального успеха, наилучшего результата, а целью является спасение, которое требует отсечения своей воли. Весь догматический смысл православной аскезы может быть выражен всего одной фразой: «Да будет воля Твоя, а не моя, Господи». С другой стороны, один из самых известных сатанистов прошлого столетия Алистер Кроули учит, что самый короткий путь к демонизации человека можно указать также всего одной фразой: «Делай, что хочешь». Поэтому главное правило относительно послушаний на приходе гласит следующее: «Делай дела не так, как тебе кажется лучшим, а как просят это дело исполнить». Это дей-

ствительно очень трудное правило. Вся натура бунтует, если мы знаем, как сделать данное дело и лучше, и быстрее, а нас понуждают выполнить его иначе. Или мы уверены, что не этим делом следует сейчас заняться, а совсем другим. Когда преп. Моисея Оптинского спросили, что всего труднее у вас в монастыре, то он ответил, что труднее всего послушаться.

Некоторым облегчением данного «жестокоего» правила является следующее снисхождение. Относительно всякого предстоящего дела насельнику позволительно один раз высказать свое мнение, если ему кажется, что он знает, как данное дело лучше выполнить, или мнится, что дело до времени надо отложить или вообще его не делать. Но после того, как брат выскажется, ему следует исполнить задание так, как попросят, независимо от того, прислушаются ли к его мнению или нет. Когда соглашаются с мнением брата, то это не является с его стороны непослушанием только в том случае, если, высказывая свое видение, он просто исповедал свой помысел, не споря и не настаивая на нем.

5. Теперь о покаянии. У нас духовник приглашает вновь прибывшего брата на первую исповедь обычно недели через две по приезде. За это время новый насельник осмотрится, немного привыкнет, успокоится, получит возможность вновь направить внимание внутрь себя, что важно для прохождения данного таинства. Со своей стороны и духовник присмотрится к брату, начнет его чувствовать. Тем, кто входит в братство, рекомендуется пройти генеральную исповедь, рассказать обо всех значительных и значимых грехах, которые человек помнит, начиная с самого детства. И не только о грехах, но и о родителях, немного о близких друзьях, о важных, переломных событиях жизни, о своих интересах, о своей системе ценностей. Но это должен быть очень собранный разговор перед лицом Бога, ни в коем случае не болтовня. И духовник, и исповедник — оба находятся на суде, и оба должны хранить тайну своего

Радость рыбака

разговора, что, увы, не все понимают. От духовника требуют хранения тайны, а от человека исповедавшегося — нет. Но, принимая у человека исповедь, духовник тоже взаимно открывает ему свое сердце, старается быть предельно искренним. Духовников очень часто предают.

Человек, начинающий духовную жизнь, должен иметь некоторое понятие о покаянии. В покаянии надо выделить две его составляющие: примирение с Богом и несение епитимьи за грехи. Первое происходит быстро. Если человек осуждает свое греховное прошлое и обещает вести добрую жизнь по заповедям, то через это сразу получает доступ к Богу и возможность полноценно участвовать в жизни Церкви (хотя многие духовники не считают излишним некоторых раскаявшихся грешников на более или менее длительное время удерживать от причащения). Второе — болезненное несение назначенных Богом трудов покаяния, при всем старании и усердии раскаявшегося грешника, будет продолжаться долгие годы (относительно бывших наркоманов это неизбежно), потребует многого терпения. Причем духовное преуспевание у людей, пресытившихся пороком, будет, как правило, незначительным (то есть это значит, что после совершения многих и тяжелых грехов следует оставить мечты об особых духовных озарениях, откровениях и дарованиях от Бога).

В центре приходской жизни находятся настоятель и духовник. На большинстве приходов духовник и настоятель — одно лицо (так и у нас). Очень трудно быть искренним и поверять все самое скверное о себе человеку как духовнику, если во многом зависишь от него же, как от настоятеля. Причем текущие свои проступки, даже незначительные, открывать гораздо сложнее, чем бывшие в прежней жизни, в ином месте и среди иных людей. Надо эту ситуацию заранее осмыслить и, как это ни трудно, надо понять и принять, что на доверии к духовнику строится духовная жизнь каждого из братии и всего прихода в целом. Кроме понимания, здесь потребуется немало мужества. Искренность и открытость необходимы. Но особенно сложно становится, когда поднимается внутренняя брань против самого духовника, а кого она временами не испытывает на прочность? Коренная братия знает, что после исповеди таких помыслов расправа не наступит, хотя и они стараются выбирать выражения. А для новичка, да еще с печальным прошлым и неустойчивым настоящим, искренняя исповедь об

этой брани почти немыслима, но уверяю, и большинство духовников со мной согласится: они не ошибутся, если решатся сказать духовнику, что по временам о нем думают.

И последний момент в разговоре об исповеди. Во многих случаях участниками серьезного проступка становятся сразу несколько братий. Кто-то сразу сожалеет о содеянном и желает идти каяться, а кто-то не спешит с покаянием. Но в маленьком братстве при исповеди одного из братий, даже если тот не желает специально выдавать остальных (желает покаяться, а не наобидничать), духовник (он же и настоятель), вовсе не обладая проницательностью сыщика, может легко догадаться, кто еще и в каком качестве был участником означенного события. Не всегда, но часто. И тот, кто хочет покаяться, это понимает. Идти ли каяться? Если духовник старается быть отцом для подопечных, то вне всякого сомнения и без промедления — да. Если же он явным образом отцом не является, то сразу на данный вопрос не ответить: в разных случаях могут быть приняты разные решения.

6. Что следует делать, если насельник увидит согрешающим иного брата? Вопрос со всей обстоятельностью рассмотрен в четвертом поучении аввы Дорофея, необходимо процитировать это важное место.

«Если случится кому видеть, что брат его согрешает, не должно презреть его и умолчать о сём, попуская ему погибнуть, не должно также ни укорять, ни злословить его, но с чувством сострадания и страхом Божиим должно сказать тому, кто может исправить его, или сам видевший пусть скажет ему с любовью и смирением, говоря так: “Прости, брат мой, если не ошибаюсь, мы не хорошо это делаем”. И если он не послушает, скажи другому, о котором знаешь, что он имеет к нему доверие, или скажи старцу его, или авве, смотря по важности согрешения, чтобы они его исправили, и потом будь спокоен. Но

Исповедь в алтаре

говори, как мы сказали, с целью исправить брата своего, а не ради празднословия или злословия и не для укорения его, не из желаниа обличить его, не для осуждения и не притворяясь, что исправляешь его, а внутри имея что-либо из упомянутого. Ибо, поистине, если кто скажет и самому авве его, но говорит не для исправления ближнего или не для избежания собственного вреда, то это грех, ибо это злословие; но пусть он испытает сердце своё, не имеет ли оно какого-либо пристрастного движения, и если так, то пусть не говорит.

Если же он, рассмотрев себя внимательно, увидит, что хочет сказать из сострадания и для пользы, а внутренне смущается некоторым страстным помыслом, то пусть он скажет авве со смирением и о себе, и о ближнем, говоря так: совесть моя свидетельствует мне, что я хочу сказать для исправления брата, но чувствую, что имею внутри какой-то смешанный помысел... и тогда авва скажет ему, должен ли он сказать или нет... Когда кто говорит единственно ради пользы брата, то Бог не попустит, чтобы произошло смущение, чтобы последовала скорбь или вред».

7. Едва ли найдутся такие невежды, которые не слышали, что Бог дал заповедь о любви. Но грешники умудряются толковать эту заповедь в свою пользу. Например, они полагают, что если им представится возможность пожить при церкви, то, несмотря на их прошлое и настоящее прескверное поведение, и Бог, и Его служители будут этих грешников всячески ласкать и ублажать, на их хамство и лень будут закрывать глаза, а с каждой их прихотью будут считаться. Смею уверить, что такого понимания любви нет ни на каком приходе. Приходящий жить при храме не должен строить по этому поводу никаких иллюзий. Более того, многие слабости, на которые в светском обществе попросту не обращают внимания, на приходе будут встречены очень неодобрительно (к ним относятся, например, курение и жаргонный характер речи). К тому же нетрудно догадаться, что значительная, а скорее всего, большая часть служащих при храме людей сами делают только первые шаги на пути спасения, и потому очень далеки от совершенства в любви. Приходится и здесь быть готовым к самым неожиданным искушениям.

8. Всякий человек испытывает потребность в различных вещах, но одни умеют обходиться малым, а другие нет. При отсутствии нужной вещи как надо поступить? Можно необходимую вещь

попросить, но если откажут, тогда не смущаться и не роптать (мера новоначальных). Можно не просить, но ждать, пока ее предложат, а когда предложат, тогда сразу с благодарностью принять (мера значительно преуспевших). Можно, наконец, когда необходимую вещь предлагают, сначала от нее отказываться, но если продолжают уговаривать, тогда только согласиться и взять, славя Бога (мера близких к совершенству подвижников). В какой мере находятся приехавшие из реабилитационного центра молодые люди? Ответ очевиден, и потому будет очень здорово, если они смогут устоять в пределах меры новоначальных (те, кто долго живет при храме, и они не дерзают на большее). На приходе действует общее правило: надо без стеснения сказать настоятелю или ответственному брату о всякой своей нужде, о любой возникшей бытовой проблеме. Но при этом надо быть готовым получить отказ. Если высказанную просьбу почему-то не исполнят или нужду оставят без внимания, не следует ни огорчаться, ни смущаться, ни роптать. А в дальнейшем не надо бояться вновь о чем-либо просить вследствие этого отказа.

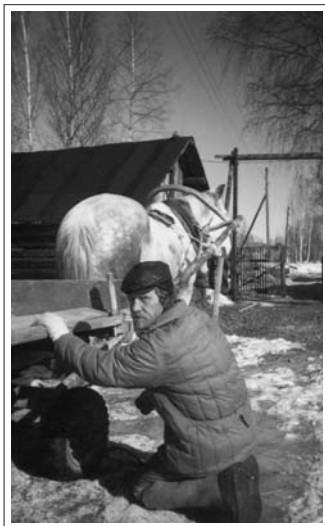
9. На приходе придется много трудиться. Во-первых, это объективно требуется для выживания прихода в современной ситуации разрухи и нищеты. Во-вторых, труд, правильно понимаемый, является первой ступенью на лестнице духовного делания, и через эту ступень нельзя перескочить. Святые отцы так определяют эти ступени: а) умаление грубых страстей в трудах послушания; б) псалмопение (устная молитва); в) умная молитва; г) созерцание. Первое соотносят с мерой послушников и благочестивых мирян, второе — с мерой мантийных монахов, третье — с мерой схимников, на четвертую восходят единицы из наиболее духовно одаренных подвижников. Знание этого поможет устоять против коварного помысла, что вновь прибывшего на приходе рассматривают лишь как рабочую силу. Если кто из реабили-

Приглашение к трапезе

тантов не пожелает понудить себя на физический труд, не приобретет привычку прилежно трудиться, то он не только ни на шаг не продвинется в духовной жизни (что многих из них, впрочем, совсем не огорчает), но, вернувшись в мир, едва ли устоит от рецидива наркотизации.

Еще о труде. Опыт показывает, что люди, имевшие опыт наркотизации, довольно небрежны в обращении с рабочим инструментом и часто выводят его из строя: ломают не только сложные механизмы, но и лопаты, колуны, стамески — все, что им дают в руки. Дело, сделанное их руками, тоже нередко приходится переделывать. Сразу от этого не уйти. Приходится снова и снова терпеливо призывать их к бережному отношению к вещам общего пользования, к инвентарю, к порученному делу, приучать, чтобы они старались все делать аккуратно. Начинать говорить с ними об этом необходимо еще задолго до отъезда на приход.

Техосмотр перед выездом

10. Чтобы уйти навсегда от жизни во грехе (в частности, от наркотиков), надо очень многое переосмыслить. Грешник наивно надеется счастливо устроить свою жизнь путем утеснения ближнего, пожить за его счет. Действенным стимулом к изменению такого ложного отношения к жизни является усвоение духовного

закона о восприятии на себя грехов ближнего через ненависть или любовь к нему (подробно вопрос изъяснен у преп. Марка Подвижника). О восприятии через ненависть нужно сказать следующее: если мы причинили какую-либо досаду ближнему (обокрали, обесчестили, избili, живем за его счет насилием или хитростью и т. д.), то по мере этой досады грехи ближнего как бы переписываются на нас, и мы будем за эти грехи вместо обиженных нами людей расплачиваться. Так что слова Священного Писания о том, что любящий неправду ненавидит свою душу, можно понимать именно в этом смысле.

11. О том, что на любом приходе неохотно мирятся с курением (а на некоторых не принимают курящих вовсе), я уже упомянул. Когда бросать курение? Еще до выезда на приход. Болезненный период, наступающий после оставления вредной привычки, должен закончиться вдалеке от храма. Если же время упущено, то не надо советовать выкурить последнюю сигарету перед отходом поезда. Не желательно, чтобы первые дни на приходе были тягостными. От этого может возникнуть устойчивая неприязнь к самому месту нового жительства и к его обитателям. Пусть пройдет две-три недели, и тогда, при моральной и молитвенной поддержке братии, бросить курение.

12. При совместной жизни в приходской общине всегда найдется почва для разногласий, постоянно возникают разные недоумения, неизменно обретаются поводы для споров. Как в этих случаях себя вести, что диктует благоразумие? Даже если тебе кажется, что ты во сто раз более прав, все же лучше уступить не совсем правому брату и не огорчать его, если в этом нет греха.

Получилось двенадцать пунктов. На самом деле их больше. И каждый из означенных может быть изложен более пространно. Пусть это и сделают те, кто готовит наркозависимых к жизни на приходе. Трудно искалеченным грехом людям во всем этом быстро и в нужной степени разобраться. Тем более если бывший наркоман не был к жизни при церкви подготовлен. Прибыв на приход, он не может сразу точно сориентироваться и совершает досадную оплошность. Если до него здесь начали совершать свое воцерковление его друзья по несчастью, то к ним он и прилепляется, вместо того чтобы благоразумно несколько сторониться их. У них он спрашивает совета, с ними делится переживаниями, рассказывает им о своей поломанной жизни, делит с ними досуг. Но этого делать не следует. На приходе надо жаться к тем, кто научился шествовать по жизни, избегая греха. А относительно горьких воспоминаний, относящихся к периоду наркотизации, необходимо придерживаться следующего: даже наедине с собой лучше побыстрее избавиться от них, надо настойчиво гнать их от себя. На приходе дается шанс нового наполнения жизни.

В заключение необходимо сказать, что я не питаю той иллюзии, что стремящийся на приход сразу все адекватно воспримет,

если с ним обо всем означенном обстоятельно побеседовать. Но пусть он примет в свое сознание сказанное как предварительную прививку, тогда правильно войти в жизнь прихода ему будет уже несколько легче.

И самое последнее. Это обязательно надо донести до тех, кому реабилитационный центр рекомендует пожить при храме. На

Всех их призывает к себе Господь

приходе на приехавшего не смотрят как на наркомана, а имеют добрый настрой обрести в нем нового брата. Греховное прошлое, коль скоро человек уходит от него, не будет поминаться ему. Грешником спасительно считать одного себя, а в ближних следует примечать не грехи, а образ Божий. Тот, кто благочестиво пожил среди приходских насельников, уже навсегда входит в их жизнь, остается в молитве братий, при желании всегда может приехать в гости, а если в силах понести, то может и вовсе не уезжать с прихода.

Человеку дана власть самому сделать выбор: стать чадом Божиим или же повернуться вспять и предпочесть вечной жизни с Богом свой грех. Бог не злопамятен, все плохое он готов забыть. Всегда есть возможность положить начало. *Когда скажу беззаконнику: “ты смертью умрешь”, и он обратится от грехов своих и бу-*

дет творить суд и правду, [если] этот беззаконник... будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, — то он будет жив, не умрет. Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив (Иез. 33, 14–16).

Оглавление

Вступление.	3
Особенности православной реабилитации наркозависимых	6
Воспоминания о жизни в селе Георгиевское бывших пациентов фонда «Возвращение»	21
Андрей	21
Михаил	25
Евгений	31
Константин	32
Мысли о ВИЧ/СПИДе и противодействии ему	37
Письма сотрудникам «Мельницы» из Георгиевского	41
Интервью с пациентами, живущими на приходе	51
Денис	51
Николай	58
Рассказ Леонида о себе	64
Кинолекторий	72
Слово родителям	79
Елизавета Владимировна	79
Алексей Ильич	81
«Молитва матери»	85
Светлой памяти дорогого нашего брата.	88
Приготовление наркозависимых к жизни на церковном приходе	93